

*Свидетели
эпохи*

РИШАРД
БОЛЕСЛАВСКИЙ

■
Путь улана

Воспоминания польского офицера
1916—1918

Ришард Болеславский
Путь улана. Воспоминания
польского офицера. 1916-1918

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=616035

Болеславский Р. Путь улана. Воспоминания польского офицера 1916—1918: ЗАО Центрполиграф; М.; 2006

ISBN 5-9524-2148-2

Аннотация

Ришард Болеславский был в числе тех поляков, которые под влиянием патриотического порыва вступили в российскую армию, чтобы сражаться за независимость Польши. Вместе со своим уланским полком он прошел через все тяготы Первой мировой войны. После отречения царя и свершения Февральской революции польским уланам пришлось не только наблюдать со стороны ужасы безвластия: погромы, грабежи, самосуд и насилие, но и, становясь на ту или иную сторону, защищать свою жизнь.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	31
Глава 7	34
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Ришард Болеславский

Путь улана

Моей жене Норме, улану в душе.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В результате трех «разделов Польши» в конце XVIII века (в 1772, 1793 и 1795 гг.) территория прежде независимой Речи Посполитой (так называлось Польское государство с XVI столетия) была разделена между тремя европейскими державами – Пруссией, Австрией и Россией. В состав русских владений поначалу были включены только территории, когда-то принадлежавшие России, но позднее отвоеванные поляками: Украина с Киевом, Белоруссия и часть Прибалтики. Позднее, в 1815 году, после завершения Наполеоновских войн, Российская империя была пополнена и собственно польскими землями с Варшавой. С этого времени Польша оставалась владением России вплоть до большевистского переворота 1917 года.

Потеря независимости переживалась поляками очень тяжело. Дважды – в 1830-м и 1863 годах – в «русской Польше» вспыхивали восстания и их подавляли огнем и мечом. С течением времени – к началу XX века – большинство поляков вполне интегрировались в плоть империи: они служили в русской армии, в полиции, во властных структурах, государственных учреждениях и при дворе. Деятели польской культуры и искусства вносили посильный вклад в культуру общероссийскую. На сцене императорских театров блистали Матильда Кшесинская и Вацлав Нижинский, на экранах кинотеатров – Витольд Полонский и Анеля Судакевич; польские художники Генрих Семирадский, Казимир Малевич, Сигизмунд Жуковский приумножали славу российской живописи и т. д., – но мечта о независимости никогда не оставляла никого из польских подданных России. Эта мечта многих из них приводила в революционное движение, но и вполне законопослушные и лояльные граждане потихоньку вздыхали об утраченной вольности и повторяли про себя запрещенный польский гимн:

Еще Польша не погибла, доколе мы живы.
Все, что прежде потеряли, саблями воротим.

Разразившаяся в 1914 году Первая мировая война подкрепила эти мечты новыми надеждами. Назначенный Верховным главнокомандующим Российской армией великий князь Николай Николаевич в своем обращении к войскам и населению прозрачно намекнул на возможность обретения Польшей былой независимости в случае победоносного для России окончания войны. Этих слов было достаточно, чтобы тысячи молодых польских патриотов добровольно отправились в армию.

Поляки воевали на разных сторонах: не только в русской, но и в австрийской армии. Нередко противниками оказывались близкие родственники, даже родные братья.

Для России мировая война обернулась катастрофой. Если в 1914 году все казалось легко и возможно: армия успешно наступала, война велась вблизи границ и сравнительно мало затрагивала большинство населения, в достатке было вооружения и боеприпасов – словом, казалось, что в ближайшем будущем будет одержана скорая и блистательная победа, то уже с 1915 года все изменилось. Оказалось, что русская экономика не справляется с военными поставками, что деревня обескровлена бесконечными призывами, а боевая фортуна

покидает Россию, и войне не предвидится конца. Отдельные военные успехи, вроде знаменитого Брусиловского прорыва, не меняли ситуации на фронтах. Армия отступала или вела изматывающие позиционные бои. Солдаты устали и озлобились. В стране нарастал ропот – сперва глухой, затем все более громкий... В начале 1917 года все полетело в тартарары.

Автор книги «Путь улана» Ришард Болеславский был в числе тех поляков, которые под влиянием патриотического порыва вступили в Российскую армию, чтобы сражаться за независимость Польши. Вместе со своим уланским полком он сполна вкусил «прелестей» последнего, самого тяжелого для России, периода войны и стал свидетелем и участником роковых потрясений 1917–1918 годов. Попытки как-то отстраниться от происходящих в России событий, как имеющих мало отношения к собственно польской судьбе, ни к чему не привели. Польским уланам довелось не только наблюдать со стороны нарастание революционного угара и все ужасы гражданской войны с ее самосудами, погромами, грабежами, насилием и всеобщей нравственной деградацией. В какой-то момент чувство самосохранения заставило их делать и собственный выбор, становиться на ту или иную сторону и так или иначе участвовать в кровавой бойне.

Собственное «хождение по мукам» Ришард Болеславский подробно описал в своей книге «Путь улана». Беллетризованная форма подобных книг была очень популярна и в годы Первой мировой войны (вспомним хотя бы «Записки кавалериста» Николая Гумилева), и в первые послевоенные годы, когда по всей Европе было выпущено огромное количество военных воспоминаний. Из таких записок рождалась литература целого поколения. Книга Болеславского, при всей скромности ее художественных достоинств, все же находится в том же ряду, что и «Прощай, оружие!» Хемингуэя и «На Западном фронте без перемен» Ремарка. Насыщенность книги революционными реалиями делает ее особенно интересной для российского читателя, а рисуемые Болеславским картины пополняют хорошо известную нам эпоху живыми и выразительными подробностями.

В. М. Бокова,

доктор исторических наук

Глава 1

МУЖ И ЖЕНА

Вспоминаю обычный день 1916 года. Приближался день рождения немецкого полковника. Слухи об этом достигли наших ушей, впрочем, я никогда не выяснял, каким образом срабатывает сарафанное радио. Между нами и немцами пролегало около двухсот метров смертоносной земли. И если бы кому-нибудь захотелось понять, насколько смертоносной была эта земля, достаточно было приподнять над траншеей винтовку с насаженной на нее фуражкой, чтобы тут же услышать свист пуль. Однако мы не были обделены слухами, новостями и сообщениями о любых незначительных событиях, происходивших у немцев. Мы знали о немцах, а они о нас практически столько же, сколько знают друг о друге две семьи, живущие по соседству в маленьком провинциальном городке.

День рождения немецкого полковника приходился на четверг. Стоило ли нам нарушать их спокойствие в этот день? Они собирались выпивать и закусывать, а кому понравится быть убитым во время веселья? В ответ на любезность с нашей стороны они не тревожили в подобные дни и нас.

Как-то я увидел группу уланов, склонившихся над чем-то. Они довольно хихикали, но, увидев меня, пришли в явное замешательство. Один из уланов тут же спрятал какой-то предмет за спиной.

– В чем дело, парни?

Они молчали.

– А ну-ка, покажите, что вы там прячете.

Улан неохотно протянул мне маленького бумажного змея. У меня были бы большие неприятности, если бы вышестоящий офицер увидел в небе эту игрушку.

Только я об этом подумал, как улан сказал:

– Господин поручик, мы разорвем и выбросим змея.

– Лучше отдай-ка его мне, – скомандовал я.

Улыбаясь, словно ребенок, пойманный на шалости, он протянул мне змея.

К змею, склеенному из газеты, был приделан самодельный конверт, в котором лежал мятый листок бумаги. На листке была очень схематично нарисована молодая девушка в непристойной позе перед немецким капралом. Под рисунком располагалась надпись: «Клара дает тебе отставку. Ха! Ха! Ха!» Каким-то образом уланы узнали о неудаче, постигшей немецкого капрала с Кларой.

– Нельзя отправлять письма врагу, – строго сказал я. – Прекратите свои шалости.

– Но ведь они шутят над нами, – хором возразили парни. – Во время боя мы воюем с ними, но ведь сейчас мы не воюем. Мы занимаемся этим шутки ради.

Я молча забрал у них змея, понимая, что они наверняка сделают нового и запустят его к немцам. Если бы я не был офицером, то поступил бы именно так.

Иногда мне казалось, что, если бы офицеры с обеих сторон ушли в отпуск, русские и немецкие солдаты, словно две группы школьников, бросились вместе играть и веселиться. Причем играли бы до тех пор, пока кто-нибудь из офицеров не вернулся и не одернул их: «Прекратите, прекратите сейчас же. Вы что, не знаете, что находитесь в состоянии войны?»

Я – поляк и вступил в русскую армию в качестве добровольца. Великий князь Николай¹ выпустил манифест, согласно которому в случае победы союзников Польше обещалась свобода.

¹ Николай Николаевич (1856–1929) – великий князь. Во время Первой мировой войны (1914–1918) с 20 июля (2 августа)

Руководствуясь чувством патриотизма, я пошел воевать. Ведущие державы поступили точно так же, пообещав свободу Польше, и многие поляки пошли воевать на их стороне. Таким образом, поляки сражались против поляков, однако все они руководствовались чувством патриотизма и любви к Польше, одними и теми же идеалами.

В нашем полку нас, польских уланов, было двести человек – крошечная доля чужеземцев в составе огромной русской армии, отделенная даже от польского пехотного легиона. Во время войны и позже, во время революции, мы беспорядочно перемещались, всегда несколько отделенные от остальных поляков. Хотя мы воевали и гибли, но в действительности оставались зрителями.

Нам были ближе поляки, воюющие в немецкой армии, чем русские, в армии которых мы воевали.

И мы испытывали к русским большую враждебность, чем, например, к австрийцам; русские никогда не видели в нас братьев. Они относились к нам как к побежденному народу. Они не то чтобы ненавидели нас – просто не замечали.

Но мне нравились русские солдаты, и они платили мне той же монетой. Пару раз они спасли меня от неприятностей, и я был благодарен им за это. Как офицер, я находился в более выгодном положении. К примеру, если требовалось залечь в засаде и в распоряжении трех человек были камень, грязь и вода, то офицеру доставался камень, унтер-офицеру – грязь, а солдату – вода.

Осенью 1916 года наш уланский полк находился примерно на полпути между Черным и Балтийским морями. За нами раскинулись огромные российские просторы. Темные беспокойные мысли волновали тихую душу России. Со временем этим мыслям было суждено окрепнуть и двинуться по стране, словно могущественным гигантам с руками и ногами из стали. Они уничтожили старый строй и на этом месте провозгласили новых богов и выдвинули новых вождей.

Но все это было еще впереди. Сейчас на нашем фронте царило относительное затишье. Офицеры и солдаты, не считая печальных обязанностей, связанных с ранеными, и еще более мрачных обязанностей, связанных с убитыми, занимались обычной рутинной работой. Наступило время для раздумий и разговоров. Мы все получили возможность обдумать то, что произошло за прошедшие два года, и спросить себя: «Где же я окажусь еще через два года?»

Известие о неудачном любовном опыте немецкого капрала было довольно забавным. В течение нескольких недель уланы говорили на эту тему, смеялись над капралом, но на войне веселый смех незаметно сменялся истерическим, затем переходил в вопли и заканчивался мертвой тишиной – обращением к мыслям и бесконечным вопросам.

Около шести утра пришел приказ привести полк в боевую готовность. Мы должны были занять некую деревню, расположенную в полчасе езды верхом.

Немцы без труда заняли эту деревню и удерживали ее в течение двух дней. Мы получали время от времени подобные задания, которые напоминали нам, что мы находимся на войне. Данная деревня не представляла никакой ценности и не имела стратегического значения.

В семь часов утра все было закончено: мы заняли деревню, немцы отступили. В деревне проживало порядка пятидесяти человек, одни старики и дети. Мы готовились провести приятный вечер и надеялись хорошо выспаться ночью.

Позже, в условиях полной секретности, в деревне появились русские артиллеристы. Они установили три зенитных орудия, накрыли их брезентом в зелено-желто-черных пят-

нах. Благодаря камуфляжу орудия должны были слиться с окружающей природой. Но спустя мгновение после установки орудий с немецкой стороны последовал ураганный огонь. Зенитная батарея была уничтожена за полчаса.

Все это было странно. Мы действовали стремительно. В шесть утра, получив приказ о взятии деревни, мы уже в семь утра захватили ее. Прошел только один час. Зенитная батарея появилась в деревне с соблюдением полной секретности, однако была мгновенно уничтожена. Ситуация показалась нам крайне подозрительной.

Мы получили задание выяснить, что не так с этой деревней. Мы исследовали не только саму деревню, но и несколько километров в округе в поисках каких-либо коммуникаций.

На дне ручья мы обнаружили изолированный провод и, следуя вдоль этого провода, пришли к сараю. Провод пройдя под полом сарая, поднимался по стене и заканчивался в туше телят, подвешенной к балке. Внутри туши располагался телефонный аппарат. Самое необычное место в мире для телефонного аппарата, однако именно там он и находился.

Нам стала ясна задуманная комбинация. Немцы заняли деревню, чтобы провести телефонную линию, и через два дня ушли.

Сарай принадлежал крестьянской чете; муж был поляком, а жена немкой. Обоим было за сорок; муж немного старше жены. Когда их пришли арестовывать, они еще спали. Сразу же было назначено заседание военного трибунала.

Суд проходил в полуразвалившемся, грязном домишке. Зияющие оконные пролеты были частично забиты досками, а частично занавешены конскими попонами. Я дежурил снаружи и, подняв попону, заглянул в комнату. За столом сидели три офицера. Помещение освещалось двумя свечами, стоящими на столе.

Офицеры сидели, поставив локти на стол и опустив на скрещенные руки голову. Они выглядели невероятно утомленными, словно чернорабочие, проработавшие всю ночь и уставшие настолько, что утром у них уже не было сил, чтобы отправиться домой.

Офицеры хотя и вели допрос крестьянской пары, в душе понимали всю бессмысленность этой акции, заранее зная, что должно произойти.

– Сколько вам лет?

– Где вы родились?

– Какой вы национальности?

И наконец, последний, главный вопрос:

– Виновны или нет?

Мужчина упорно молчал. Он опустил голову, словно испытывал чувство стыда. Но прежде чем офицер, председательствующий на суде, успел задать этот последний вопрос женщине, она разразилась яростной речью. Женщина была слишком возбуждена, чтобы говорить на одном языке. Она изливала потоки ненависти, мешая польские, русские и немецкие слова. «Я родилась в Силезии и вышла замуж за поляка! – кричала она. – Я любила его, но не страну, в которой мне пришлось жить вместе с ним. Моя семья пострадала от войны. Отец братья – все убиты». В течение десяти минут она посылая проклятия в адрес сидящих перед ней офицеров, всей армии в целом, российского императора, всего мира.

Согласно правилам трибунала обвиняемый должен прямо ответить на вопрос, виновен он или нет. Никакие другие слова не имеют равным счетом никакого значения. Время от времени, когда женщина делала паузу, чтобы восстановить дыхание, звучал спокойный голос майора:

– Виновны или нет?

Женщина торопилась излить свои чувства и не отвечала на вопрос.

– Виновны или нет?

Монотонно звучащий вопрос, произносимый с механической настойчивостью граммофона.

Слова, произнесенные на одном дыхании, в конечном итоге превратились в поток бессвязных звуков, напоминающих крики животных.

– Виновны или нет?

Муж начал подталкивать ее локтем в бок, пытаясь остановить поток бессвязной речи, чтобы она наконец ответила на вопрос относительно виновности. Похоже, жена поняла, что от нее требуется, и, сделав паузу, выкрикнула:

– Да, да, я виновата, но не больше, чем вы! Вы, убившие всех моих родных! Я хотела это сделать и сделала бы снова.

К полуночи свечи оплыли, приняв какие-то фантастические очертания. В сизом от чадающих фитилей воздухе виднелись темные силуэты присутствующих на суде. Председатель посмотрел в глаза сидящего справа офицера, а затем перевел свой взгляд на офицера, сидевшего от него по левую руку, и записал в протокол: «Виновны».

Офицеры встали.

Женщина продолжала говорить, даже когда солдаты стали выводить их с мужем из дома. Муж пытался успокоить жену, но она не обращала на его слова никакого внимания. Постепенно их силуэты растаяли в темноте, но я еще долго слышал женский голос.

Затем я опять увидел их, часов в шесть утра. Занимался рассвет. Землю окутал туман. Взвод солдат вывел женщину и мужчину из деревни в поле. Солдаты передвигались с трудом; их тяжелые ботинки увязали в мягкой, влажной земле.

Мы остановились в небольшом овраге под березами, такими высокими и гибкими под легким утренним ветерком, словно были не деревьями, а отражением в воде. Никто не произносил ни слова. Стояла полная тишина. Во время процедуры приведения приговора в исполнение воцарилась абсолютная тишина, наполненная особым значением. Команды отдавались тихим голосом, почти шепотом. Офицер зачитал решение суда. Его голос дрожал. Я не слышал слов, находясь на расстоянии десяти метров от офицера.

Мужчина стоял опустив голову и, казалось, искренне переживал свою вину. Лысый, с орлиным носом и пушистыми усами, он удивительно напоминал Ницше. У него были красивые, натруженные руки пахаря, и он то сжимал пальцы в кулаки, то разжимал их. Мне казалось, что я вижу слезы на его лице, но, возможно, это были просто капли дождя.

Женщина уже покончила все счеты с жизнью. Есть люди, которые умирают по собственному желанию еще при жизни. Их органы продолжают функционировать, в юридическом смысле они числятся среди живых, но на самом деле они уже мертвы. Ее душа умерла после того, как она на высочайшем подъеме произнесла свою речь в ночи. Мы, повидавшие так много трупов, понимали, что означает безжизненное выражение открытых глаз, устремленных в одну точку. И даже если вы находитесь именно в той точке, куда устремлен взгляд, человек вас все равно не видит. Женщина смотрела, но ничего не видела. Она крепко прижимала к груди концы большого платка, накинутого на голову. Утро было холодное.

После прочтения приговора унтер-офицер подошел к женщине и что-то тихо произнес. Я не слышал что, но догадался, что он сказал: «Если вы хотите помолиться, у вас есть пять минут». Священника не привели. Унтер-офицер был недоволен отсутствием священника, это было явным нарушением процедуры. Как же так, нет священника. Я видел, что его угнетает подобное положение вещей. «Если осужденные выражают желание совершить последний церковный обряд, то им должна быть предоставлена такая возможность», – гласят армейские правила. Но ведь священника нет! Что же делать? Унтер-офицер пребывал в смятении.

Женщина стояла неподвижно, как статуя.

Повисла неловкая пауза. Мы не знали, желают ли они помолиться. Нам не хотелось мешать им, но в то же время мы не могли отойти от них. Кое-кто из солдат начал притопывать ногами, то ли чтобы согреться, то ли от нервного возбуждения.

Ко мне подошел унтер-офицер и, немного помолчав, неожиданно задал дурацкий вопрос:

– У вас удобная комната?

– Да, достаточно удобная.

Офицер несколько раз бросал взгляд на свои часы. Не уверен, что он выдержал пять минут; подозреваю, прошло всего минуты три.

Муж с женой не молились. Они ничего не делали, просто стояли и ждали.

Офицер кивнул мне.

Я кивнул унтер-офицеру.

Унтер-офицер с особой лихостью щелкнул шпорами и отдал честь. Вообще-то это было ему не свойственно; унтер-офицер был ленивым парнем, считавшим, что любой офицер будет счастлив заполучить его в качестве унтер-офицера. С каменным лицом он прошел несколько метров до осужденных, остановился и что-то тихо сказал мужчине.

Мужчина кивнул и очень робко протянул жене руку. Медленно-медленно она стала поворачивать голову. Уже совсем рассвело, и я, наконец смог разглядеть ее лицо. Густые брови. Узкая полоска плотно сжатых губ. Лицо такого же цвета, как грязный снег, лежавший под нашими ногами.

На ее лице не отражалось ни боли, ни страха. Повернувшись к мужу, она устремила на него пристальный взгляд, однако никак не отреагировала на протянутую им руку. Слегка помедлив, он сам бережно сжал ее безжизненно висящую руку. Мужчина стоял спиной ко мне, и я увидел, как его плечи согнулись и затряслись. Его трясло все сильнее. Словно провинившийся ребенок, он втянул голову в плечи и негромко зарыдал, припав к плечу жены. Ах-ах-ах, такие звуки вылетают из-под топора, вонзающегося в ствол большого дерева. Ах-ах-ах!

Рыдания мужа не произвели на женщину никакого впечатления. Она по-прежнему неподвижно стояла, неловко повернув голову в сторону мужа. Однако взгляд ее был обращен не на мужа, а поверх его головы, в никуда.

Женщина с мертвенным спокойствием двинулась в сторону грубо сколоченной стремянки, стоящей под деревом.

Муж, неожиданно потерявший опору, с трудом удержался на ногах. Он все еще рыдал, но звуки становились все глуше.

За прибавку нескольких дней к отпуску солдат-пехотинец вызвался привести приговор в исполнение. Трудно было заподозрить этого немолодого уже человека, простого крестьянина, имевшего жену и пятерых детей, в жестокости. Вероятно, в жизни ему уже приходилось пару раз расправляться с конокрадами, поэтому он сам вызвался свершить правосудие. Никто его об этом не просил.

Он поднялся на импровизированную стремянку и повернулся к женщине. Она попыталась вскарабкаться, опершись одной рукой, а второй рукой по-прежнему крепко прижимая платок к груди. Ничего не получилось. Тогда она сменила руку, но и это не помогло.

– Сними платок, сестра, – мягко посоветовал ей солдат.

Женщина последовала его совету. Теперь стало понятно, почему она так упорно куталась в платок. Длинную черную юбку она надела прямо на ночную рубашку. Когда их с мужем пришли арестовывать, они уже лежали в кровати. Она успела только нацепить юбку и взять платок. Теперь, когда она сняла платок, стали видны ее согнутые плечи. Всю жизнь эта женщина занималась тяжелым крестьянским трудом. Трудно было назвать ее руки женскими. Темные, натруженные, с плоскими ладонями и пальцами, искривленными ревматизмом. Помогая себе двумя руками, она поднялась на ступеньку, на которой уже стоял солдат.

Я не успел опомниться, как солдат что-то быстро сделал вокруг головы женщины и с глухим стуком спрыгнул со стремянки на землю. В следующий момент он выбил лест-

ницу из-под ее ног. Словно птица, расправляющая крылья, женщина каким-то невероятно изящным движением расправила руки. Вот они медленно потянулись к ее горлу, но на полпути застыли и опали вниз. По ее телу пробежала судорога. Она дернулась в последний раз. Открылся рот. Голова упала на грудь. Несколько мгновений – и все было кончено.

Я не мог отвести глаз от застывшей фигуры. Я не испытывал никаких чувств: моя душа, как и руки, со временем огрубела. Шел второй год войны, и я понимал, что нет другого выхода. Тут уж ничем не поможешь. Законы военного времени, общечеловеческие законы и, я был уверен, Божий закон оправдывали эту процедуру приведения приговора в исполнение. На моем месте мог оказаться любой другой, но мне крупно повезло, что в этот день именно я оказался на месте казни.

Вдруг три уланы прошли мимо меня. Я проводил их глазами и увидел, как они подошли к мужчине, неподвижно лежащему на земле. Он упал – может, от слабости, а может, умер.

Уланы очень аккуратно подняли его и затащили на стремянку. Солдат, выполнявший обязанности палача, надел мужчине петлю на шею. Уланы отпустили мужчину, и он повис в петле, не подавая признаков жизни. Палач выбил стремянку из-под ног повешенного, но я думаю, что к тому моменту мужчина был уже мертв.

За все это время никто не проронил ни слова.

В полной тишине мы медленно отправились обратно в деревню через чавкающее под ногами поле. Мне показалось, что оставшиеся в деревне солдаты жалели нас, поскольку нам пришлось до завтрака два раза пройти по грязному полю.

Мой приятель, корнет Шмиль, высунувшись в окно, закричал:

– Скорее, отец, завтрак готов!

Жизнь продолжалась.

Спустя несколько дней я почти забыл эту историю. Однако через год сцена казни неожиданно встала у меня перед глазами. Не знаю почему, но я вдруг ярко, во всех деталях вспомнил это холодное утро, женщину, устремившую безжизненный взгляд поверх голов, плачущего мужчину.

Через два дня после казни мы уже полностью обустроились на месте. Офицеры опять играли в карты и рассказывали по второму кругу свои излюбленные непристойные истории. Всем уже давно надоели эти старые истории, но никому не приходило в голову сочинить новые.

Глава 2 ЗАЧЕМ?

– Вы должны съехать, – приказал унтер-офицер старухе в полосатой юбке.

Я говорю «старухе», поскольку женщина выглядела старой. Однако, судя по троим малолетним детям, которые называли ее мамой, она была совсем не старой. Женщина смотрела на унтер-офицера с неуверенной улыбкой, словно слышала шутку, которую не совсем поняла.

В течение двух недель после казни все было спокойно. Но в это утро поступил приказ сжечь деревню и отступить на сто километров к востоку.

Мы пошли по домам, объясняя крестьянам, что к вечеру их дома будут разрушены.

– Вы должны покинуть дом. Вечером мы его сожжем, – решительно заявил унтер-офицер. – Это не шутка, мать.

– Почему вы собираетесь сжигать дом? Это же *мой* дом.

– Зачем вы мне это говорите? – прервал женщину унтер-офицер. – Я тут ни при чем. Это приказ.

– Чей приказ? – спросила женщина, нервно одергивая юбку распухшими от работы руками.

В ее голосе зазвучал вызов. Она сделала жалкую попытку отстоять свои права, обсудить ситуацию, потребовать изменения приказа. Но приказы, как известно, не обсуждаются: они являются частью стратегии. Эта женщина, ее дети, ее дом оказались в сфере интересов стратегии.

Унтер-офицер посмотрел на меня с немым вопросом в глазах.

– Поступил приказ уходить, – вмешался я, – поскольку вся деревня должна быть уничтожена. Сожжена.

– И этот дом? – спросила она дрожащим голосом, словно дом был частью ее самой.

– Да, и этот дом, – твердо ответил я. – Вы можете взять все, что вам потребуется. Возьмите продукты, которые сможете унести, соберите детей и покиньте дом.

Горестно качая головой, она пристально смотрела на меня, будто надеялась, что мне станет стыдно за собственные слова. Но я не знал таких чувств, как стыд. Я был солдатом, инструментом тех, чьи мысли и поступки были мне неизвестны.

Дети молча стояли рядом, держась ручонками за материнскую юбку, и только переводили недоуменные взгляды с матери на меня.

– Кто отдал приказ сжечь мой дом? – повторила женщина. – Сжечь...

В этом доме прошла вся ее жизнь. У нее не было другого дома, и она просто не могла поверить, что теперь его не станет.

Я уже сказал все, что мог. Повернувшись, чтобы уйти, я заметил, что женщина начала готовить обед, словно ничего не произошло. Возможно, она не приняла наши слова всерьез.

Мы по-дружески относились к жителям деревни. Они, по мере сил, старались нам помочь. Запасенным на зиму картофелем, который составлял основную часть их рациона, они честно поделились с нами. Мы в свою очередь поделились с ними солью, мукой и рыбными консервами.

Теперь нам пришлось объяснять им, что они должны покинуть свои дома, взять с собой все необходимое и двинуться куда глаза глядят. Лучше на восток. Они не понимали этого. Они не хотели понять; они не хотели верить в это. Они повторяли по многу раз одни и те же вопросы, а мы упорно отвечали на них одними и теми же словами.

Незадолго до семи часов вечера мы объявили крестьянам, что через час подожжем первые дома. Когда в семь часов они увидели, что полк спокойно покидает деревню, они начали подозревать, что все сказанное нами обретает реальность. Я получил приказ начать уничтожение деревни в полночь; в моем распоряжении находился взвод солдат. Я собрал всех жителей деревни: стариков, старух, женщин с детьми – и сказал:

– Лучше всего для вас идти вместе с полком. Следуйте за ним как можно дальше.

Некоторые послушались меня, но далеко не все. Один за другим они неохотно покидали дома, все еще не веря в происходящее. Небольшими группами люди медленно уходили из деревни и исчезали в вечерних сумерках.

В половине одиннадцатого мы начали складывать у домов большие кучи из соломы, щепок, тряпок – в общем, всего того, что могло хорошо гореть.

Ровно в полночь унтер-офицер бросил горящую спичку. На фоне черного бархата неба взметнулся яркий столб огня. Постепенно огонь стал охватывать дома. Раздался треск. Лошади нервно заржали и забили копытами.

Мы вскочили на лошадей и, не оглядываясь, поскакали во весь опор прочь. Белые стволы берез отражали яркий свет бушующего за нашими спинами пламени.

Спустя десять минут мы были на вершине холма, где остановилась часть жителей деревни. Они не отрываясь смотрели на свои пылающие дома. Почти все рыдали.

Они не винили нас. Мы не слышали ни слова упрека. Страшное зло вошло в их жизнь, и никто не мог объяснить им, откуда и почему оно появилось. Кто-то молча смотрел нам в лицо, но были и те, кто продолжал опять и опять задавать вопрос: «Зачем?»

– Почему вы сожгли нашу деревню? – живо спросил меня старик, словно открывая новую тему дебатов.

– Мы получили приказ.

– Какой еще приказ?

– Приказ, – устало ответил я.

– Ах, приказ, – повторил он. – Но зачем...

– Не знаю. Нам просто приказали сжечь деревню.

Он помолчал, словно обдумывая мои слова, и опять задал вопрос:

– Почему вы сожгли нашу деревню?

У меня уже не было сил отвечать.

Каждый день, ежечасно и ежеминутно миллионы мужчин и женщин задавали один и тот же вопрос: «Зачем?» На этот вопрос не было ответа.

В госпитале, где я лежал несколько дней, моим соседом оказался солдат из крестьян. У него была великолепная фигура, а мускулатуре могли бы позавидовать древние греки. Высокий, стройный, с замечательным цветом лица, с густыми пшеничными кудрями. Большие голубые глаза доверчиво смотрели из-под соболиных бровей. Ему было порядка сорока лет. Он не умел читать, но был далеко не глуп.

Прежде он никогда не бывал в городе. Его дед, отец и он сам выращивали пшеницу на небольшом наделе плодородной земли.

В конце сезона кто-нибудь приезжал и скупал весь урожай. Получив деньги, они покупали все необходимое на ближайшей ярмарке. Они честно трудились на своей земле, и жизнь их была простой и понятной. Они не знали ничего о династиях, колониальных претензиях, европейском балансе сил. Коварная судьба вовлекла этого наивного крестьянина в смертельный водоворот. Он, словно пойманная птица, раненая и сидящая в клетке, задавался вопросом: «Что все это значит?»

Несколько дней он ехал на поезде. Поскольку он относился к получившим легкие ранения, то его везли на обычном поезде, а не на поезде Красного Креста. Ранение было очень

болезненным, но он мужественно терпел боль, и только в широко распахнутых, сухих глазах плескалось страдание. Ему раздробило все пальцы рук, кроме одного. Руки были перевязаны, и, наверно, поэтому он считал, что повреждены ладони, а пальцы целы. Видно, боль была настолько мучительной, что он постоянно менял положение рук: то складывал ладони вместе, словно молясь, то прижимал их к груди. До этого он никогда не был в госпитале.

Несмотря на жуткую боль, он, глядя на главного врача, с достоинством заявил:

– Я – кормилец. Обеспечиваю свою семью.

Врач, не поднимая головы, изучал документы раненого.

– Я – кормилец, – повторил солдат.

Врач поднял на раненого красные от усталости глаза и несколько долгих секунд внимательно вглядывался в лицо. Затем тихим голосом обратился к медицинской сестре:

– Случай 14 653.

Медсестра начала заполнять бланк истории болезни.

– Я – кормилец, – повторил солдат.

Врач, словно не слыша этих слов, заставил солдата лечь. Медсестра сняла повязки, под которыми оказалась раздутая красная плоть, ничем не напоминающая пальцы. Врач произнес что-то тихим голосом на латыни.

– Ампутация.

Легкая анестезия оказала мгновенное воздействие на солдата. Он заснул спокойным сном. Во сне он стал похож на сказочного великана, усыпленного лилипутами.

В течение пятнадцати минут пальцы, один за другим, отправились в ведро.

Медсестра, дававшая хлороформ, увлеченно следила за действиями хирурга, колдующего над руками больного, и не заметила, как солдат стал отходить от анестезии.

Больному еще не успели после операции перевязать руки, как он открыл глаза. Первым, что он увидел, был ампутированный палец, лежащий на стеклянной полке. Жуткое рыдание вырвалось из его горла. Он приподнялся и выкрикнул:

– Зачем? Зачем?

Медсестра насилу уложила его на койку. Солдат заплакал, горько и безутешно, как ребенок.

– Зачем?

Он повторял свой вопрос, переводя взгляд с доктора на медсестру, и ждал ответа. Этот солдат, как крестьяне из сожженной деревни, в отчаянии выкрикивал: «Зачем?» Ответом была тишина.

За полчаса мы доскакали до ушедшего вперед полка. Оказывается, нам пришлось отступить из-за отсутствия боеприпасов на флангах.

Этой ночью таинственным образом от солдата к солдату летели слова: «Опять нет боеприпасов». Польские уланы были вынуждены отступить.

Глава 3 БРАТЯ

Пятеро суток мы неустанно двигались на восток – пять дней и ночей с короткими остановками, чтобы дать отдохнуть лошадям.

Дождь лил не переставая, и днем и ночью. Плоское, серое небо нависло над землей. Стаи мокрых, замерзших птиц с негодующими криками взмывали в холодных воздушных потоках в небо. Деревья стояли голые, и лишь последние, жалкие листочки еще упорно держались за ветки. Наконец дождь прекратился. Ночью подморозило, и наутро конские попоны оказались покрыты тонкой коркой льда, а в гривах и хвостах лошадей, словно бриллианты, сверкали крошечные сосульки.

Временами, получая приказы, подобные этому, мы говорили друг другу: «Похоже, теперь-то начнется». Мы прибывали к месту назначения, находясь в нетерпеливом ожидании. Все в полной боевой готовности; нервы натянуты до предела.

Однако ничего не происходило. В очередной раз мотоциклист или всадник доставлял мятый желтый конверт. Нам приходилось тут же подниматься и двигаться дальше, все дальше и дальше от линии фронта. Россия отступала. Какими бы храбрыми ни были солдаты, но без патронов они оказывались беспомощными.

Никто ничего не объяснял. Но никто и не задавал никаких вопросов, чтобы прояснить ситуацию. Никто не волновался. Все делалось спокойно, можно сказать равнодушно.

Мы подчинились судьбе. Казалось, что мы так и будем безостановочно двигаться в неизвестность под бесконечным, не утихающим ни на минуту дождем. При этом мы не видели никакой существенной причины для продолжения движения. Единственное, что было абсолютно ясно: у нас не было никакой цели.

Ощущение гнетущей тишины было тем сильнее, чем дальше мы отходили от линии фронта. Доносившиеся издалека глухие раскаты орудий напоминали тяжелое, прерывистое дыхание сильно уставшего гиганта, находившегося на грани жизни и смерти.

Нам было гораздо хуже, чем солдатам в окопах, поскольку, казалось, мы пребываем в бесконечном, бесцельном отступлении. На передовой солдаты, так или иначе, были при деле. Худо или бедно, они были обеспечены продовольствием. Совсем другое дело, когда вы отступаете от линии фронта. Вам самим приходится заботиться о продовольствии. Кроме того, нам приходилось заботиться и о гражданских лицах. Однако никто не выражал неудовольствия.

В один из дней мы вышли в три часа утра и через несколько часов смогли, наконец, определиться на местности.

В рассветном сумраке обозначилась ровная, широкая дорога, вытянутая как струна. Она не петляла меж холмов, не огибала русла рек. Она безудержно неслась, как взбесившаяся лошадь, прямо, не обращая никакого внимания на то, что творится по сторонам.

Дорога, конечно, была широкой и прямой, но вот двигаться по ней было совсем не просто. Грязь... моря грязи... океаны грязи. За два года артиллерия, пехота, тяжелые подводы, конница так перепахали дорогу, что она не подлежала быстрому восстановлению.

Мы медленно продвигались по краю дороги гуськом, один за другим. Лошади сами выбирали путь, пытаясь найти сухие места. Временами, оступившись под тяжестью седоков, лошади проваливались в грязь. Но нам еще повезло: заботу о нас взяли на себя наши лошади.

Спустя какое-то время мы нагнали толпу пленных, несколько сотен человек. Они медленно тянулись по дороге. Именно тянулись, а не шли. Требовалось время, чтобы вытащить одну ногу из грязи, отряхнуть ее и поставить немного вперед. За это время вторая нога еще

больше увязала в грязи. Новое усилие. Поднять ногу, отряхнуть и выдвинуть вперед. Вот так они и ползли.

Кое-кто из пленных пытался пройти по краю дороги. Но разве хватило бы сил этим смертельно уставшим, голодным людям перескакивать с одного сухого островка на другой, без риска сломать лодыжку? После нескольких попыток они опять возвращались в грязь.

Им было уже все равно, где и как идти. Они шли словно во сне, автоматически переставляя ноги.

Мы двигались, конечно, намного быстрее и комфортнее. Они, казалось, не испытывали никакой зависти к нам, а ведь мы ехали верхом. Но и они не вызывали у нас никакого сострадания. Мы были слишком измотаны, чтобы испытывать какие-либо чувства. Да, мы находились в лучшем положении, но судьбе было угодно перемешать нас. Австрийские пленные, польские уланы, русские солдаты, офицеры и гражданские лица – все мы оказались в мрачном, парализующем всякие чувства болоте.

Неожиданно один из уланов услышал, как кто-то окликает его по имени. Голос раздавался из толпы пленных. Улан не понял, кто его окликнул, но, присмотревшись, увидел, как один из пленных отчаянно старается пробиться к нему с середины дороги.

На первый взгляд звучит несколько странно. Но добраться с середины дороги к обочине было действительно непростым делом. Представьте такую картину. Стадо коров переплывает реку, и вдруг одна корова из середины стада решает повернуть и плыть в обратном направлении. Вот в таком положении оказался человек, решивший пробиться с середины дороги к обочине.

Расталкивая толпу, увязая в грязи, пленный не переставал выкрикивать одно имя: «Питер!» Улан наконец увидел несчастного, но не остановил лошадь. За ним по узкой полоске более или менее утрамбованной земли двигалось порядка ста пятидесяти всадников. Если бы он остановился, то нарушил бы движение.

Пленный оказался поляком, младшим братом нашего улана. Только один брат служил в русской армии, а другой в австрийской. Русские захватили австрийцев в плен, и теперь один из братьев оказался военнопленным. Он уже три года ничего не слышал о семье, оставшейся на Родине.

Братья встретились впервые после трехлетней разлуки. Один верхом двигался в неизвестном направлении. Другой шел пешком, и тоже в неизвестном направлении.

Не обменявшись даже рукопожатием, пленный ухватился рукой за седло коня, на котором ехал брат.

– В наш дом попал снаряд, – тихо сказал улан.

Брат скорбно качнул головой.

– Что с мамой?

– Умерла. Прошлой весной, перед посевной, – ровным, бесцветным голосом ответил улан. Так говорит смертельно больной человек.

– А что с отцом?

– Не знаю ни где он, ни что с ним.

Они надолго замолчали.

– А сестра? – спросил младший брат.

– Юлка уехала в город.

Не от хорошей жизни уезжали в город польские крестьяне. Брат только горестно покачал головой, но ничего не сказал. Он словно фиксировал события, не имевшие отношения к его семье. Словно все происходило с какими-то другими людьми, а не с его близкими. Немного помолчав, он вновь стал задавать старшему брату короткие вопросы о знакомых людях, получая на них односложные ответы. Короткий вопрос – короткий ответ. Создавалось впечатление, что разговор не волнует ни одного, ни другого. Их неожиданная встреча

произошла в каком-то нереальном мире, в жуткой грязи, и эта грязь тащила их куда-то в неизвестность. Их личные несчастья были ничтожной частицей огромной катастрофы, охватившей мир.

За встречей братьев из толпы заключенных следил пленный австрийский офицер, и, вероятно, ему не понравилось, что солдат австрийской армии общается с врагом. Он подошел к братьям и принялся отчитывать младшего на немецком языке. Его речь напомнила лай собаки. Если до войны вы когда-нибудь наблюдали за немецким офицером в каком-нибудь берлинском ресторане, то вам понятно, что я хочу сказать. Офицер садился за столик и обращался к съевшемуся от страха официанту: «*Kaffee, bitte schön*», резко акцентируя каждое слово. Даже когда он говорил: «*Auf wiedersehen*», это звучало как ругательство.

Итак, австрийский офицер подошел и облял младшего брата, но тот, не обращая на окрик никакого внимания, продолжал идти, держась рукой за седло лошади, на которой ехал старший брат. Он мог бы не останавливаться и не возвращаться в толпу военнопленных, но, по крайней мере, должен был повернуться к офицеру.

Однако он даже не повернул головы и продолжал разговаривать с братом. Он интересовался, каким был урожай два года назад, что стало с телятником, которого купили еще до его мобилизации, где двоюродный брат.

Офицер был взбешен. Он схватил за плечо солдата, развернул его лицом к себе и закатил страшную пощечину. Грязная пятерня отпечаталась на лице солдата.

В тот же момент сидящий на коне улан поднял плетку, которой погонял коня, и с размаху опустил ее на голову офицера.

Тут мы услышали приказ остановиться и спешиться. Лошадям требовался отдых, а мы за этот десятиминутный перерыв могли немного размяться.

Лежащий на земле офицер дико озирался вокруг. Он лежал молча, не двигаясь, видимо ожидая, что улан убьет его. Немецкие газеты писали о частых случаях расправы над военнопленными со стороны этих диких всадников. Подобных варваров надо было воспитывать, сделать цивилизованными. Вот причина, по которой была развязана война.

Подошел унтер-офицер, чтобы выяснить, что произошло. Он не говорил по-немецки, а австрийский офицер не знал ни польского, ни русского языков. Унтер-офицер попытался выяснить у военнопленных, говорит ли кто-нибудь из них по-русски или по-польски. Ответом послужило молчание. Никто даже не сделал попытки объяснить случившееся.

А тем временем братья продолжали разговор, словно ничего не произошло. Во время разговора улан тщательно обследовал круп и копыта своего коня.

Вскоре унтер-офицер отошел. Австрийский офицер, поняв, что он не в состоянии вернуть солдата в строй, кряхтя поднялся и попытался вернуться в колонну военнопленных, продолжавшую движение.

Офицер подошел к краю колонны и стал пристраиваться к темпу, в котором шел один из пленных. Это был огромный чернявый детина, по виду венгр. Офицер подошел к нему. Возможно, удар плеткой был очень сильный: офицер был бледен и с трудом держался на ногах. Он попытался опереться на венгра, но тот грубо оттолкнул его в сторону. В толпе пленных не было ни рядовых, ни офицеров. Здесь никто не придерживался табели о рангах. В этой толпе ничего не имело значения... Ничто не учитывалось.

Офицер сделал несколько судорожных шагов, безмолвно протягивая руки в поисках опоры или поддержки, а затем свалился в грязь. Он больше не мог идти. Это ни на кого не произвело ровным счетом никакого впечатления. Медленный исход по грязи продолжался.

Если на такой дороге солдаты падали, то они отползали на обочину и ждали – либо смерти, либо что их подберут.

Австрийский офицер упал вперед, лицом в грязь. Никто не обратил на него внимания. Колонна военнопленных продвинулась уже на несколько сотен метров вперед.

Прозвучал приказ. Мы вскочили на коней. Было понятно, что скоро мы нагоним колонну и обойдем ее.

Находясь в конце нашей цепочки, я увидел, что австрийский офицер медленно поднял голову и сделал попытку отползти к обочине дороги. В нескольких шагах от него, держа лошадь под уздцы, стоял улан, ударивший его, и продолжал разговор с братом.

Я поинтересовался, почему он не садится на коня.

– Он мешает, – ответил улан, указывая на офицера, лежащего на обочине.

– Ну так уберите его, – сказал я брату улана.

Пленный повиновался с тем же безразличием, с каким он воспринял пощечину офицера. Испачканный в грязи, с белым как мел лицом, прерывисто дыша, офицер молча смотрел, как солдат оттаскивает его обратно в грязь.

Больше я не видел этого офицера и не знаю, что с ним случилось. Пленный солдат, оттащив офицера, вернулся к брату, и они продолжили вялотекущий, равнодушный разговор.

За то, что я сделал потом, я мог бы попасть под военный трибунал, если бы меня слышал старший по званию офицер.

– Ваша лошадь выдохлась, – сказал я улану. – Приказываю идти до следующей остановки, деревни К., пешком, ведя лошадь под уздцы.

Таким образом, я дал ему возможность продолжить разговор с братом. Улан прекрасно понял меня. С его лошадью было все в полном порядке. Он отреагировал на мой приказ с тем же равнодушием, с тем же отсутствием воодушевления и благодарности, с каким он воспринял все случившееся ранее.

Глава 4 ЛОШАДИ

В это утро звук горна весело взмыл в ясное, безоблачное небо.

Мы проснулись в небольшой деревеньке, в которой разбили лагерь, и поняли, что за ночь на смену осени пришла зима. Дождя не было и в помине. Стоял легкий морозец. На ярко-голубом небе не было ни облачка. Все улыбались и, как коты, щурились в лучах яркого солнца. Нам всего-то не хватало самой малости: солнечного дня, наполненного желудка и ощущения сиюминутной безопасности. Мы устали, были голодны и растеряны, но солнечное утро и миска горячего супа вернули отличное настроение. Все вчерашние неприятности были тут же забыты.

Первым признаком пробуждающегося духа является возникшее взаимопонимание. Венгр, немец, русский и поляк, сидя рядом на солнышке, мирно болтали, не понимая ни слова на чужом языке.

Офицеры обращались к уланам, и те отвечали им весьма доброжелательно. Никто не огрызался и не ворчал.

Люди мирно разговаривали, и солдаты даже делились с военнопленными не только едой, но и мылом, бритвами и тем, что наши отъявленные оптимисты называли полотенцами.

Уланы обсуждали различные способы ведения сельского хозяйства в разных погодных условиях и на разных почвах – словом, в тех местах, где они побывали за годы войны. Как милитаризм ни пытался превратить человека в инструмент войны, крестьянин первым делом обращал внимание на свойства почвы, на ее пригодность для возделывания тех или иных культур. Бородатый сибирский мужик говорил крестьянину из Галиции:

– Отличная почва в ваших карпатских лесах! Отличная!

Выдав эту тираду, он принялся медленно жевать ломоть черного хлеба, щедро посыпанный солью, пристально вглядываясь в даль, в черные, изувеченные войной поля. Прожевав хлеб, он печально покачал головой и заявил:

– А все-таки сибирская земля, брат, черт побери, лучше! Да, – немного помолчав, добавил он, – лучше, черт побери!

Крестьянин из Галиции, вспомнивший родную землю, похоже, усомнился в его словах.

Они помолчали.

– Не сомневайся, брат, – прервал молчание сибиряк. – Через месяц, а то и раньше вы уже будете в Сибири. Лично убедишься в моих словах.

Крестьянин ответил слабой улыбкой: он совсем не стремился сравнивать земли таким экзотическим способом.

Донесся слух, что обед будет готов к одиннадцати утра. Время непривычно раннее для обеда, а значит, что-то должно произойти. Мы стали активно обсуждать вопрос: будем ли мы по-прежнему отступать или повернем назад и вступим в бой? В разговор вступили все без исключения. От апатии последних дней не осталось и следа. Все были готовы к любому повороту событий.

Вскоре нам стало известно, что вместе с лошадьми нас погрузят в поезд и отправят на долгий отдых в глубокий тыл. Лагерь взорвался радостными криками и громким смехом. Мы кричали и горланили песни. Даже лошади, зараженные общим весельем, радостно ржали. С шутками и смехом мы быстро свернули лагерь и вечером погрузились на поезд.

Наш полк был небольшим, поэтому нам потребовался всего час, чтобы упаковаться и загрузить лошадей и багаж в поезд. Осталось даже время, чтобы попрощаться с теми, кого

отправляли в госпитали и в лагеря для военнопленных. Многим из них мы преподнесли на память сувениры. Уланы не были бы уланами, если бы не попрощались с теми, кто во время недолгой остановки доброжелательно отнесся к ним. Времени, которое потребовалось уланам, чтобы попрощаться с симпатичными деревенскими девушками, хватило бы на то, чтобы погрузить в железнодорожный вагон, как минимум, восемь лошадей.

В поезде, впервые за долгое время, у каждого из нас была отдельная полка. Да, это была всего лишь жесткая деревянная полка, но зато сухая и чистая. Только офицеры ехали в спальном вагоне. Рядовые размещались в вагоне с жесткими полками, а те счастливики, которые ехали вместе с лошадьми, могли устроить себе роскошные лежбища из сена.

Правила запрещали уланам спать на сене, которое идет на корм лошадям. Совершая обход поезда во время дежурства, я обнаружил в одном из вагонов четыре спальных места, оборудованные с помощью тюков прессованного сена. Владельцы этих спальных мест, четверо уланов, отдав честь, застыли в молчании. Я поинтересовался, помнят ли они правила, запрещающие использовать сено, идущее на корм, – ведь после этого животные уже не будут его есть. Хитро улыбаясь, они заверили, что спросили у лошадей и лошади ответили, что не возражают, чтобы уланы спали на сене; они-де сказали, что завтра съедят сено, и их не волнует, что на нем спали уланы.

Уланы говорили с абсолютно серьезным видом, и их выдавали только смешинки в глазах; чувствовалось, что они страшно довольны шуткой. Я оказался в затруднительном положении. Я должен был либо дать каждому из них наряд вне очереди, заставить отнести сено на место и спать на жестких полках, либо промолчать и тем самым нарушить инструкцию.

В первом случае я оказался бы жалкой личностью, человеком, не понимающим шуток; во втором был бы виноват в нарушении должностных инструкций.

Я подошел к лошадям:

– Так, ведра для воды грязные... Вы промывали этой кобыле глаза и ноздри?.. Что-то не похоже... Ржавая подкова на этом копыте... У этой слишком длинная грива... А это что такое? Хвост лошади улана или коровий хвост?.. Грязное седло... Попоны должны быть развешаны, а не лежать сложенными в одной куче... У этого коня полосы грязи на боках... Чья сабля: смотрите, на ней ржавчина... А это еще что такое?.. Тщательно вычистить лошадей и убрать вагон...

Я мог загрузить их работой на всю ночь. Уланы переглянулись, и, воспользовавшись паузой, один из них приказал:

– Уберите все с сена и положите на полки.

Уланы молниеносно повиновались команде товарища.

Я сделал вид, что не обращаю ни малейшего внимания на их активность, подошел к тюкам сена и стал по очереди брать из каждого тюка пучок сена и обнюхивать его. Сено было отличным, от него шел свежий, пряный аромат. Взяв пучок из последнего тюка, я принюхался и подмигнул.

– В этом тюке гнилое сено. Плесень. Его нельзя давать лошадям. Скажите квартирмейстеру, что я приказал заменить этот тюк. Можете использовать его в качестве подстилки. – Краем глаза я видел, как засияли лица уланов. – Для лошадей, мошенники. Как подстилку для лошадей, – твердо сказал я.

– Да, господин поручик, – радостно улыбаясь, ответили они хором.

– В следующий раз, когда захотите легкой жизни, воспользуйтесь собственными мозгами, а не лошадиными.

– Так точно, господин поручик! – прокричали они, и я пошел в следующий вагон.

В эту ночь все спали. Поезд шел вперед и делал остановки, как любой воинский поезд, нерегулярно. Мы проезжали мимо маленьких деревушек, полей, голых, темных лесов, сбросивших осеннее убранство, рек и озер.

Полк проспал всю ночь и половину следующего дня.

Поезд сделал остановку у маленькой деревни, лежащей между низкими холмами. Несколько домишек теснились на берегу речки, бегущей по долине. Поезд стоял на запасных путях. Заслышав сигнал горна, уланы, с мятыми от долгого сна лицами, выскочили с котелками из вагонов и бросились к кухне, которая располагалась в последнем вагоне.

После долгого сна (мы проспали почти восемнадцать часов) все испытывали чувство голода, и завтрак оказался весьма кстати. Еды было вдоволь. Светило ласковое солнце. Ну что еще нужно для счастья?!

Как только раздача закончилась и все расселись по вагонам, прозвучал сигнал к отправлению поезда. Тут выяснилось, что один улан бежит с котелком к своему вагону. Видимо, он проспал дольше всех и поздно прибежал на кухню. Теперь, получив свою порцию, он спешил занять отведенное ему место.

И тут он увидел молодую женщину, стоявшую за деревом. Несмотря на сигнал, улан подбежал к женщине. Выяснилось, что она хотела сесть на наш поезд, но была остановлена унтер-офицером. Женщина выглядела очень расстроенной. Она объяснила, что ей надо попасть в соседний город. Ее муж, которого она не видела со дня свадьбы, ранен и лежит в одном из госпиталей. Муж очень хочет повидаться. Женщина показала корзину, в которой она везла мужу молоко, сыр, хлеб и всякие мелочи из дома, чтобы доставить ему приятное.

Женщина была очаровательной, в распахнутом черном атласном пальто, темно-зеленой юбке и белоснежной кофточке, на голове ярко-красный платок, завязанный под подбородком. Молодая, простодушная, с ослепительно белой кожей, с маленьким, пикантным носиком, огромными голубыми глазами и ярким, словно спелая вишня, маленьким ротиком. От нее веяло чистотой, нежностью и молодостью.

Она понимала, что у нее мало шансов попасть на поезд, но ей обязательно надо было повидать мужа. Она во что бы то ни стало должна была попасть в город, объяснила она и просительно улыбнулась.

Улан заговорил с ней. Возможно, поначалу причиной тому была корзина, из которой исходили соблазнительные запахи. А может, он решил, что такая очаровательная женщина сможет скрасить поездку. Так или иначе, но он показал ей, в каком едет вагоне, и научил, чтобы она медленно, вроде без всякой цели, двигалась к нему. Сам он побежал к вагону и запрыгнул в него. Из вагона за женщиной наблюдали четыре любопытные, улыбающиеся физиономии. В солнечных лучах к ним медленно приближалась молодая женщина.

Раздался свисток паровоза.

Из вагона, в который запрыгнул улан, держась за поручни, свесились его товарищи. В доли секунды в четыре руки уланы подхватили женщину и, словно котенка, забросили в вагон.

Состав стал набирать ход. Никто не заметил, как уланы втащили женщину в вагон. Она была счастлива. Все получилось, и она едет к мужу. В вагоне ей все пришлось по вкусу. Уланы были такими же крестьянами, с какими она общалась всю свою жизнь, и они легко нашли общие темы для разговора.

В вагоне находились четыре лошади. Отличные лошади. Офицерские. Уланы оказались ординарцами, нещепетильными, бесшабашными и довольно искушенными в любовных делах. Находясь рядом с офицерами, они насмотрелись, как те ведут себя с девушками, и бессознательно пытались подражать им, стараясь «стать культурными».

Действительно, старались они на славу. Усадили женщину поудобнее. Помогли снять пальто. Соорудили из попона некое подобие ширмы, чтобы в случае остановки поезда какой-нибудь любопытный не увидел их пассажирку. Они развлекали ее смешными и страшными историями, нещадно хвастались, говорили о своей невероятной отваге, пели, подыгрывая себе на гармонике.

Обед они честно разделили с молодой спутницей. Она в свою очередь поделилась с ними едой, которую везла мужу. Ее домашние пирожки, сыр, яблоки пришлось как нельзя кстати: уланы уже давно забыли вкус домашней пищи. Один из уланов пробежался по поезду и принес вино. Возможно, он украл вино у кого-нибудь из офицеров, а потом сказал бы, что случайно пролил его. Так что они устроили настоящий пир.

Наступил вечер. В вагоне не было света, и впереди была длинная темная ночь. Дверь оставалась полуоткрытой, поскольку в вагоне было очень тепло и душно. На темном небе своде появилась яркая луна, и лунный луч, пробившись в вагон сквозь полуоткрытую дверь, разделил его на две части: в одной находились четыре лошади, в другой – четверо мужчин и одна женщина.

Беседа постепенно стихала. В наступившей тишине перестук колес звучал словно многократно повторяемое предупреждение, и казалось, что лошади, шумно вздыхая, с тревогой наблюдают за людьми. В темных углах вагона, перерезанного узкой полосой лунного света, копилось напряжение, постепенно заполнявшее молчащих мужчин, и они уже не находили слов, чтобы спрятать свои черные мысли.

Молчание становилось все более и более зловещим.

Еще днем уланы были рады, что рядом с ними сидит молодая женщина, напоминавшая им сестру или мать, нежная и ласковая. Она пришла к ним в лучах ласкового солнца и внесла ту радость, которой они были лишены долгие месяцы войны.

Но когда зашло солнце и пришла ночь, они забыли обо всем на свете. Они думали только о соблазнительном молодом теле сидящей рядом женщины. Она была совсем рядом, живая и теплая. Стоило только протянуть руку!

Тепло, исходившее от лошадей, действовало возбуждающе. Это знает каждый, кто когда-либо спал рядом с лошадей. Тепло лошади не сравнимо ни с чем. Его не напоминает ни тепло от костра, ни тепло, выделяемое работающим двигателем. Даже солнечные лучи не воздействуют на человеческий организм тем особым образом, как тепло лошади. Это жаркое тело вибрирующей крови. В темноте глаза лошадей кажутся особенно большими, и вы невольно задаетесь вопросом: понимает ли лошадь, о чем вы думаете. Мне кажется, что думают лошади именно в темноте.

Итак, когда в темном вагоне четыре уланы и женщина надолго замолчали, лошади первыми заволновались. Время от времени какая-нибудь из них осматривала вагон, шумно вздыхала и, вздрагивая, втягивала воздух чувствительными ноздрями. Эта нервная дрожь является признаком жизни, и даже больше чем жизни. Это признак жизнеутверждения. Жизненных сил. Чувств. Продолжения рода.

В вагоне ехали четыре кобылы и четверо мужчин, но лишь одна женщина.

Самый хитрый из мужчин предложил лечь спать. Все тут же согласилось. Уланы соорудили удобное спальное место для женщины, а сами легли вдоль стен вагона и притворились, что заснули. Причем двое даже попытались изобразить храп.

Улан, предложивший лечь спать, медленно и осторожно подполз к женщине. Он нежно разбудил ее и начал что-то нашептывать. Поначалу она вела себя спокойно, но когда поняла, что он хочет, когда увидела рядом совершенно безумные от желания глаза и влажные губы, почувствовала лихорадочное желание, то вскочила и начала кричать.

Тут же две сильных руки грубо стащили ее на пол, и перед ней возникло лицо второго уланы. Она закричала что было мочи, но кто-то крепко зажал ей рот. Она начала вырываться, пыталась оттолкнуть насильников ногами, руками, головой. Казалось, что женщина попала в лапы гигантского паука.

Лошади прижали уши и начали тяжело переступать на месте. Они были явно напуганы происходящим. Время от времени мужчины покрикивали на лошадей, призывая их к спокойствию.

Животные чутко прислушивались к знакомым голосам и на какое-то время утихомирились. Женщина продолжала отбиваться. Ее одежда была изорвана в клочья, сломана рука, тело покрыто ссадинами и ушибами, но она все еще не сдавалась.

С первыми лучами солнца мужчины опомнились. Они старались не смотреть на женщину, лежавшую в углу вагона. Спокойно, не глядя друг на друга, они приступили к выполнению своих обязанностей. Почистили лошадей. Расчесали им гривы и хвосты. Промыли глаза и ноздри. Они нежно ласкали животных. Сегодня уланы выполняли свои обязанности с непривычной старательностью, но в полной тишине. Они не могли разговаривать.

Уланы закончили все дела, когда солнце начало подниматься над горизонтом. Тогда прозвучали первые слова:

– Что будем делать?

Они не знали, жива женщина или мертва. Но понимали, что в любом случае им грозит военный трибунал и расстрел.

– Единственное, что нам остается, – это выбросить ее из вагона, – мрачно сказал один. – Дождемся, когда будем переезжать через реку, и сбросим ее.

– А может, лучше в лес?

Они выжидали, вглядываясь в даль, и очень боялись, что поезд остановится в чистом поле раньше, чем им удастся избавиться от тела. Наконец состав подошел к холмистой местности и стал взбираться все выше и выше.

– Пора. Лучшего места не придумаешь.

Они подняли женщину за руки и за ноги, раскачали и выбросили из вагона. Тело перевернулось в воздухе, тяжело упало в мягкую пожухлую траву, прокатилось несколько метров и застыло на краю канавы.

Утром, когда один из уланов отправился за завтраком для всей компании, он обнаружил, что потерял свой номерной знак. Этот знак на шнурке он всегда носил на шее, а теперь его не было.

Спустя несколько дней тело женщины обнаружил артиллерийский расчет; мертвая рука сжимала номерной знак улана.

Уланов арестовали и тут же доставили в штаб. Военный трибунал приговорил всю четверку к расстрелу.

Глава 5

ДЕТИ ИМПЕРАТОРА

Мы прибыли в Чугуев⁴, конечный пункт нашего путешествия.

Дом, в котором располагался штаб полка, находился в небольшом дворе, обнесённом деревянным забором, покрашенным в зелёный цвет. По соседству располагался штаб гарнизона. Солдаты бездельничали – слонялись по двору или грелись на солнышке. Некоторые сидели в ожидании новостей или сплетен. В общем, все несколько расслабились.

Неожиданно раздался барабанный бой. Солдаты вскочили и бросились к забору. По улице шла пехотная рота. По тому, как они шли, чеканя шаг, ровными рядами, какой новенькой и аккуратной была их форма, становилось ясно, что рота не имеет отношения к регулярным войскам. Это были кадеты из кадетского корпуса, располагавшегося в двух милях от Чугуева⁵.

Крепкие, здоровые, загорелые. Самому младшему около семнадцати лет. В полной полевой форме. По команде, словно на параде, они четко, что дается путем долгих тренировок, повернули во двор и застыли. Капрал зашел в штаб⁶.

Стоя в дверях, он окинул взглядом комнату. Пробежав глазами по уланам и офицерам, он увидел сидящего у окна полковника и направился прямо к нему. Остановившись в трех шагах, как того требует устав, капрал отдал честь. Полковник встал и ответил на приветствие.

– Господин полковник, капрал Раков, первая рота кадетского корпуса, – отпортовал он хорошо поставленным голосом.

Полковник протянул руку.

– Отлично, капрал, – пожимая руку, сказал полковник. – Что вас привело к нам?

Краснея и слегка запинаясь, капрал пустился в объяснения. Взоры присутствующих обратились на капрала, и от этого он чувствовал некоторую неловкость. Он, военный человек, прибыл с общественным поручением, и не к кому-нибудь, а к кавалерийскому полковнику.

Кадетский корпус имел честь пригласить офицеров польского уланского полка на обед.

Полковник любезно принял приглашение, после чего представил офицеров, сидящих в комнате. Капрал пожимал руки, и в его взгляде сквозило искреннее восхищение этими людьми, недавно вернувшимися с фронта.

После представления мы все вышли во двор. Кадеты вытянулись по стойке «смирно». Полковник медленно прошел вдоль строя, пристально вглядываясь в молодые лица, а затем обратился к кадетам:

– Кадеты, я и офицеры 1-го польского уланского полка почтем за честь принять ваше приглашение. Пользуясь возможностью, хочу сказать вам, что я, старый солдат, испытываю восхищение, глядя на таких молодых людей, как вы. Хорошо обученных, дисциплинированных и подтянутых. Благодарю вас, кадеты. – И полковник отдал честь.

⁴ Чугуев – город, центр Чугуевского района Харьковской области. Расположен на реке Северский Донец. С 1817 г. – центр округа военных поселений, где в 1819 г. восстание военных поселенцев было жестоко подавлено правительственными войсками. С 1857 г. заштатный город Змиевского уезда Харьковской губернии.

⁵ Кадетские корпуса в России – средние привилегированные военно-учебные заведения закрытого типа Первый кадетский корпус был основан в 1732 г. в Петербурге. После 1900 г., в период руководства военно-учебными заведениями князя Константина Константиновича, программа обучения кадетов значительно расширилась, вобрав изучение химии, механики, элементов высшей математики и проч.

⁶ Капрал – воинское звание младшего командного состава. В русской армии звание капрал встречается с 1647 г. и официально введено Воинским уставом Петра I. В первой половине XIX века заменено воинским званием унтер-офицер.

– Рады стараться, господин полковник! – грянули кадеты.

– Кругом!

Тридцать кадетов развернулись синхронно, как один.

– Марш!

Тридцать кадетов, словно хорошо отлаженный механизм, начали движение. Красивое зрелище. Фридрих Великий мог бы гордиться этими мальчиками.

Во дворе я увидел солдат из соседних полков, которые угрюмо наблюдали за происходящим. На их лицах не было и следа добродушной терпимости, с которой солдаты регулярной армии в прошлой жизни смотрели на роту красивых молодых кадет.

Почему солдаты вдруг изменили свое отношение к кадетам? В чем причина их странной враждебности? Неужели они почувствовали, что через три месяца будут воевать с кадетами?

Я знал кое-кого из этих солдат. Все они хорошо относились и к офицерам, и к своим товарищам, солдатам. Я частенько разговаривал с ними. Многие были из Москвы, и я, хорошо зная столичный город, всегда мог найти общую тему для разговора с тоскующими по дому мальчиками. Произнесенное в разговоре название улицы, на которой они жили, обычно развязывало им рот.

Вместе со всеми у забора стоял унтер-офицер драгунского полка. Год назад мы воевали в одних траншеях.

Он рано осиротел и попал в свой полк еще ребенком, став так называемым «сыном полка». К сорока годам он дослужился до унтер-офицера и имел все возможные награды. Я его хорошо знал. Однажды, когда мы, трое рядовых, унтер-офицер и я, отступали через нейтральную зону, нас обнаружили и один из рядовых получил смертельное ранение в живот.

Мы по очереди тащили его, передвигаясь ползком, от воронки к воронке. Мне приходилось волевым усилием заставлять себя не прятаться за раненым солдатом. Но когда дошла очередь унтер-офицера, он, ни минуты не колеблясь, закрывал своим телом раненого товарища, несмотря на то что прекрасно понимал: у солдата мало шансов остаться в живых, слишком серьезным было ранение. Но унтер-офицер просто не мог поступить иначе.

Нам следовало торопиться. Прожекторы обшаривали местность, пытаясь нас обнаружить. Мы лихорадочно искали небольшой лаз в колючей проволоке, через который могли вползти в наши траншеи.

Я, как офицер, был замыкающим. Рядовые протаскивали раненого на нашу сторону. Лучи прожекторов подбирались все ближе. Следующим в лаз должен был ползти унтер-офицер.

– Теперь ползите вы, – сказал он, лежа рядом со мной. – Вы крупнее меня, и вам потребуется больше времени.

– Не тяните время, ползите, – начал я.

Однако он почти грубо оборвал меня:

– Вы первый год на войне, а я уже шестой (он участвовал в Русско-японской войне) и знаю, что говорю. Ползите!

И я подчинился. Надо сказать, что страшно устал, – ведь сегодня впервые оказался под огнем.

Он благополучно вполз за мной. Похоже, унтер не считал, что совершил нечто героическое, пропустив меня вперед. Для него это было вполне естественно. Ведь я был новичок, а он бывалый солдат.

Что же произошло с этим человеком? Почему сейчас он с презрением, к которому прилеплялась ненависть, смотрел на этих молодых парней? Разве не он любовался выправкой, не он требовал от подчиненных аккуратности и четкости выполнения команд? Что же произошло с ним теперь?

Он всегда строго следовал инструкциям и уставу, жил и дышал в соответствии с ними. Однако сейчас он мрачно, как-то искоса, смотрел на роту кадет, четко выполняющую команды унтер-офицера. Возможно, он подсознательно чувствовал, что очень скоро от всех этих инструкций, правил и устава не останется камня на камне?

Солдаты, наблюдавшие за кадетами, испытывали, похоже, те же чувства. После ухода роты они стали перешептываться и ехидно пересмеиваться.

Эти люди конечно же не предполагали о приближении роковых событий, но революция началась задолго до того, как ее вожди выдвинули лозунг: «К оружию, товарищи!» Армия оказалась в положении человека, уже зараженного тифом, но все еще не понимающего, что болен; он продолжал жить обычной жизнью, но начинал подозревать, что нечто странное творится вокруг, и уже назавтра впадал в бредовое состояние.

Я помню, что в этот день меня удивило и, пожалуй, насторожило настроение солдат. Я решил поговорить с теми, кого, как считал, хорошо знал. Может, думал я, они объяснят мне свою непонятную враждебность к этим ни в чем не повинным мальчикам. Между нами установилось доверие, когда солдаты получали известия из дома, не важно, хорошие или плохие, они шли ко мне, однако сегодня я не мог выжать из них ни слова.

Они явно не хотели отвечать на мои вопросы. И я быстро понял, что сегодня мне их не разговорить. Мне даже показалось, что я совсем не знаю своих людей. Они выстроили между собой и мной стену и пристально наблюдали за мной со своей стороны.

Вечером следующего дня я ощутил нечто подобное в кадетском корпусе.

Мрачное здание кадетского корпуса, темно-серого цвета, словноросло в землю. Кадеты, встречавшие нас, выглядели безукоризненно. Стройные, в форме с иголочки, они словно демонстрировали, какими должны быть солдаты и как они стремятся участвовать в войне. Я долго разговаривал с ними и, если бы не внутренний голос, был бы спокоен относительно безопасности императора и империи в целом.

В сердцах этих мальчиков, последних защитников российского императора, жила искренняя любовь к своему отечеству. *Ave Cesar! Morituri te salutamus!*

Словно зная, что эти дети станут последними, кто сойдет с именем императора в могилу, судьба дала им сердца, наполненные любовью и почитанием своего императора, и, когда пробил последний час, эти дети, не раздумывая, смело взглянули в глаза смерти. Тайнственная рука Провидения лелеяла свои жертвы до момента полного уничтожения монархической идеи.

Во время войны кастовые различия, строго соблюдаемые в мирное время, потеряли свою значимость, за исключением полков специального назначения и кавалерийских училищ. Эти мальчики являлись представителями различных социальных слоев; среди них были и крестьяне и дворяне.

За годы учебы из них готовили не только офицеров, но и гражданских чиновников, дипломатов, судей. Великолепные слуги его величества, они с энтузиазмом постигали разные науки, преуспели в изучении взлетов и падений военных кампаний.

Каждый считал себя спасителем отечества и завоевателем городов. Они двигались с непринужденностью людей, никогда не знавших боли. Им были неведомы сомнения.

Они были плодом императора, устава и войны. Выйдя в мир, в котором не было ни одной из этих составляющих, они оказались столь же беспомощны, как ребенок, потерявший родителей.

Мы вернулись с фронта, и они смотрели на нас с неприкрытым восторгом. Они выложили перед нами все, что у них было. Однако под внешней веселостью слышались тяжелые, унылые аккорды. Так человек, страдающий головной болью, продолжает работать; его руки выполняют свою работу, несмотря на пульсирующую боль в голове.

Мне сложно описать прием, который нам устроили в кадетском корпусе. Я ведь не Эдгар Аллан По⁸.

Возможно, вы видели немецкие фильмы, в которых происходит смешение кадров, когда один кадр наползает на другой или экран делится на несколько частей, в каждой из которых происходит свое действие. Вечер в кадетском корпусе запечатлелся в моей памяти именно таким образом. Я воспринимал окружающую действительность сквозь винные и табачные пары. Какие-то руки, головы и другие части тела неожиданно возникали передо мной и тут же пропадали в этом переполненном людьми зале. Представьте себе картину кубиста⁹, и вы получите частичное представление о том, каким остался в моей памяти этот вечер.

Оркестра не было. На обычных местах стояли столы и стулья. Головы тоже вроде были на месте. Но полутьма, шум, непрекращающиеся разговоры и безостановочное движение оставили в моей памяти ирреальную картину.

Резкий желтый свет. Огромные темные тени. Расплывчатые контуры помещений с теряющимися в полумраке углами. Бескрайние залы, в которых могли бы проводиться маневры. Залы, отделенные от остального мира массивными стенами, с колоннами и тяжелыми низкими арками.

На фоне мрачных стен прыгали, перемещались, кривлялись тени присутствующих на вечере. Курили практически все. Подобно мягким грозовым облакам над нашими головами плавал табачный дым, придавленный низким потолком. Он обволакивал электрические лампы, и казалось, что по потолку медленно плывут прозрачные шары из голубовато-белого хлопка.

Кадеты и офицеры были в парадной форме. Вскоре лица покраснелись; многие уже вытирали пот с лица. Тосты следовали один за другим, практически без перерыва. Пили за здоровье императора. Затем опять. И опять. И еще много раз. За здоровье императрицы, князей и княгинь, за французские и британские вооруженные силы, за итальянскую армию, за союзников и их императоров. Затем, с несколько меньшим энтузиазмом, за президентов Франции и Соединенных Штатов, но только после того, как выпили за всех императоров и членов их семей.

Позже я задавался вопросом: почему они не предложили тост за здоровье кайзера? Некоторые офицеры-инструкторы кадетского корпуса до войны служили в полках, почетным членом которых был кайзер Вильгельм II. Им редко представлялся случай надеть парадную форму, и я заметил на эполетах¹⁰ следы от споротых инициалов «W II» (Вильгельм II).

Каждый из наших офицеров стоял в окружении группы кадетов, которые с детской непосредственностью забрасывали их вопросами.

– Скольких немцев вы убили?

– Сколько у вас наград?

– Вам приходилось участвовать в рукопашной?

⁸ По Эдгар Аллан – американский писатель и критик, родоначальник детективной литературы. Некоторые черты творчества По – иррациональность, мистицизм, склонность к изображению патологических состояний – предвосхитили декадентскую литературу.

⁹ Кубизм – модернистское течение в изобразительном искусстве (преимущественно в живописи) первой четверти XX века, которое выдвинуло на первый план формальную задачу конструирования объемной формы на плоскости, сведя к минимуму изобразительно-познавательные функции искусства. Слово «кубисты» ввел в 1908 г. французский критик Л. Восель как насмешливое прозвище группы художников, изображавших предметный мир в виде комбинации геометрических тел или фигур.

¹⁰ Эполеты – наплечные знаки различия военнослужащих, преимущественно офицеров, в русской и иностранной армиях и флотах. В России эполеты были введены взамен погон в 1807 г. на два плеча для офицеров и нижних чинов уланских полков. С 1856 г. оставались только для парадной формы одежды.

Вопросы сыпались как из рога изобилия, но ни один из них не задал вопроса о смерти, о ранениях, о тяготах и мучениях. Никто не спросил о тех, кому они причинили страдания. Ни одного вопроса о причинах войны. Кадеты только и знали, что выкрикивать:

- Да здравствует император!
- Да здравствует армия!
- За здоровье его императорского величества, главнокомандующего армией!
- Ура! Ура! Ура!

Пили исключительно красное вино. Все держали стаканы с кроваво-красным напитком, и ординарцы с невероятной быстротой заполняли опустевшие стаканы. Красные пятна расплывались на белой скатерти и на полу.

Между тостами кадеты хвастались, стараясь выставить себя в наиболее выгодном свете.

– Я приписан к Павловскому полку, – дрожащим голосом сообщил белокурый мальчик.
– А мы с братом к Измайловскому полку. В нем служил наш отец. И дед. Он получил Георгиевский крест за Плевну¹¹! – выкрикнул другой.

– А у меня уже есть эполеты, – застенчиво проговорил мальчик, прижавшийся к моему боку.

- И у меня.
- И у меня.

Каждый кадет знал историю полка, к которому был приписан, и подробнейшим образом изучил все сражения, в которых полк одерживал победы.

Они без устали превозносили монарха, хозяина жизни и смерти, источник и причину их существования. Ave Cesar!

Кадеты прекрасно знали, что император не был великим полководцем, – они просто не могли этого не знать. Однако это никак не влияло на чувство любви, которое они испытывали к своему монарху. Эти совсем еще мальчики мысленно общались с живым человеком, помазанником Божьим. Во всем этом был какой-то оттенок мистицизма.

Кадеты хранили портреты царской семьи, как обычные мальчики хранят фотографии возлюбленных или родителей. Кто-то всегда носил их с собой. У кого-то они висели над кроватью. Своего рода религиозный обряд, временами переходящий в экстаз. Детский крестовый поход.

И офицеры кадетского корпуса, и наши офицеры произносили длинные, скучные речи, крутившиеся вокруг одних и тех же тем: император – армия – война – победа...

После третьего выступающего мне уже хотелось кричать. Каждое выступление вызывало бурный восторг толпы.

Стоило оратору произнести: «Да здравствует...» – и остальные его слова тонули в реве толпы. Если бы им позволили, то кадеты немедленно бы бросились на фронт, их целью был Берлин.

Наши офицеры в меру сил старались установить дружеские отношения с кадетами и русскими офицерами. Но у русских с поляками всегда были напряженные отношения. А какими еще могут быть отношения между угнетателями и угнетенными? Кроме того, во всех армиях пехота и кавалерия, сохраняя показную вежливость, в глубине души презирали одна другую. «Пешеходы, покрытые пылью», – высокомерно отзывались о пехоте кавалеристы. «Что бы они делали без лошадей?» – посмеивались между собой пехотинцы.

¹¹ Плевна – русское название болгарского города Плевен. Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. за овладение Плевной велись упорные бои с 8 (20) июля по 28 ноября (10 декабря) 1877 г. Падение Плевны дало возможность русскому командованию высвободить свыше 100 тысяч человек для наступления за Балканы.

Все присутствовавшие на вечере прекрасно понимали это, однако одни притворялись чрезвычайно радушными хозяевами, а другие почтительными гостями.

Только один из нас испытывал настоящее удовольствие. Шмиль, красивый молодой корнет из нашего полка. Год назад он закончил подобную военную школу и был сыном полка. Всего на семь лет моложе меня, он тем не менее называл меня «отец». Мне было двадцать четыре, а остальным курсантам кавалерийского училища восемнадцать – девятнадцать лет. Согласно традиции военного училища самого старшего курсанта называли «отец». Все, кто по окончании училища пришел вместе со мной в полк, называли меня «отец». С легкой руки Шмиля ко мне приклеилось это прозвище.

Шмиль вынашивал заветную идею: стать командиром полка. Как мальчик, собирающий марки, он копил награды, начиная с первых наград, полученных в десятилетнем возрасте, когда он поступил на учебу в военную школу, и заканчивая французским *croix de guerre* который он получил совсем недавно.

Шмиль обещал вырасти в отличного улана. Он очень серьезно относился ко всему, что было непосредственно связано с избранной профессией. Изучал военную историю, биографии полководцев. Но больше его ничего не интересовало. В общепринятом смысле он был необразованным человеком. У него не было ни семьи, ни друзей. Он не собирался жениться. Очень нравился женщинам, но был с ними холоден и груб и с трудом терпел женское общество.

Он летел в атаку впереди своего эскадрона, и только стек был в его руках, затянутых в белоснежные перчатки. Он ни разу не был ранен. Этим вечером в кадетском корпусе Шмиль испытывал невероятное воодушевление.

Время от времени, в основном после тостов, шестнадцать горнистов, надувая щеки, с напряженными от усилий лицами, извлекали из своих горнов победные звуки. Резкие звуки духовой музыки отражались от стен и низкого потолка и больно ударяли по барабанным перепонкам.

Воспоминания об этом вечере отложились в моей памяти в виде белоснежных зубов, красных, распаренных лиц и блестящих от возбуждения глаз, проявлявшихся в полутемном, заполненном табачным дымом зале.

Кадеты так активно демонстрировали радостное возбуждение, что оно выглядело столь же неестественным, как и мрачное настроение наших, о котором я уже упоминал.

Кадетский корпус выставил гостям порядочно вина, и казалось бы, у них не должно было быть повода для недовольства, тем более что они уже давно не видели ничего подобного, однако даже щедрое угощение не повлияло на них, и отличное красное вино не улучшило их настроение.

Когда пришло время возвращаться в полк, горнисты заиграли марш кадетского корпуса. К ним присоединились барабанщики. В этом грохоте я не различал слов, видел только шевелящиеся губы и искаженные гримасами и улыбками лица стоявших рядом людей. Все потонуло в дьявольском грохоте. Когда мы вышли на улицу, то в первый момент были оглушены, но в данном случае внезапной тишиной.

Шел снег, и перед нами расстилалась широкая светлая дорога. В пять утра мы вернулись домой. Как раз сыграли побудку; солдаты наблюдали за офицерами, вернувшимися с ночной пьянки. И вновь я ловил косые, угрюмые, подозрительные взгляды солдат.

В течение нескольких дней не происходило ничего экстраординарного, за исключением того, что солдаты, казалось, исподтишка наблюдали за офицерами. Иногда я видел, как часовые разговаривали с гражданскими. Прямое нарушение устава! Я делал вид, что ничего не замечаю, и это лишний раз подчеркивало, что складывается ненормальное положение.

Как правило, увидев приближающегося офицера, солдаты тут же обрывали разговор.

Здесь, в этом городе, оказавшись в длительном отпуске, рядовой русский солдат из газет, по телеграфу и телефону узнал о том, что происходит у него на родине. Новости потрясли его, ошеломили и заставили задуматься. Именно в Чугуеве я впервые увидел росток, появившийся из семян, посеянных революцией. Солдаты вели себя тихо, но в их глазах уже зажглась ненависть, и они крепко сжали зубы. Странно, но они никогда не выдвигали обвинений в адрес других народов.

Революция незаметно подрывала устои армии. Солдаты, побывавшие в увольнении, возвращались в окопы уже другими людьми. Они обменивались с товарищами свежей информацией. Ни ранения, ни тиф, ни вши, ни смерть не смогли сломить русских солдат. Они сломались, когда начали получать известия из дома.

Однажды, подходя к штабу гарнизона, я невольно услышал разговор артиллериста и рядового Платова.

– Объясняю, болван, – раздраженно говорил унтер-офицер. – В следующий понедельник ты можешь поехать домой. В отпуск.

– Господин унтер-офицер, разрешите сказать? – глядя в землю, спросил рядовой. – Пусть в отпуск идет кто-нибудь другой.

– Никто другой пойти не может. Понял, дурак? Твоя очередь. Понимаешь, твоя очередь. Ты что, не хочешь поехать домой?

– Нет, господин унтер-офицер, – запинаясь от неловкости, бормотал солдат.

– Почему? – заорал унтер-офицер. – Ты что, дурак? Может, тебя бьет жена?

Рядовому явно не понравились последние слова унтер-офицера.

– Ничего подобного. Она хочет повидаться со мной, но мне нечего ей сказать. Она пишет, что нет никакой еды. Нет муки. Нет масла. Ей приходится по четыре часа в день выстаивать в очереди за краюхой хлеба и бутылочкой масла. Этим она должна три дня кормить детей. Если я приеду домой, жена начнет задавать мне вопросы. Я должен буду отвечать на ее вопросы, а чтобы ответить на них, мне придется крепко задуматься...

На моей памяти было четыре случая, когда солдаты отказывались поехать в отпуск домой. Они боялись трудных вопросов своих голодных домочадцев. Они пытались размышлять.

Серая солдатская масса, словно ребенок, получивший в качестве рождественского подарка способность размышлять, немедленно принялась играть этим подарком.

Простые люди мгновенно ухватили здравый смысл, заложенный в трех словах – Мир, Земля, Хлеб. Они тут же перестали воевать. Заняли землю. Но, за всеми волнениями, забыли о хлебе.

Глава 6 ОГУРЦЫ

Плодородные почвы черноземной зоны, в которой находился Чугуев, не нуждались в дополнительных удобрениях.

Люди в этих краях отличались веселым, общительным нравом. Женщины, в основном блондинки, смешливые и говорливые, легко шли на контакт. Здесь жили общительные, гостеприимные люди, у которых двери всегда были открыты настежь.

Они жили спокойно, размеренно и не задавали никаких вопросов. У правительства никогда не было проблем с такими людьми. Имея двух волов и надел земли, можно было легко прокормить семью. Крестьянин был вполне доволен жизнью: у него была плодородная земля, домашний скот.

Мужчины и женщины носили яркие одежды. Любили петь и танцевать. На закате степь оглашалась песнями и смехом. В губернии было несколько немецких колоний, точные копии немецких деревень с их кирхами и пивными. Немцы мирно уживались с местным населением, и война не отразилась на их отношениях. И те и другие продолжали работать на этой плодородной земле.

Зимой некоторые крестьяне уезжали на работу в город, однако держались там особняком. О жителях провинциальных городков великой Российской империи много писал Николай Васильевич Гоголь. Ленин, кстати, был выходцем из провинции.

Мы хорошо проводили время в этом украинском городке. Жизнь, конечно, не отличалась особым разнообразием, но были и в ней интересные моменты.

В моей памяти сохранилась забавная история, связанная с пожилым господином, имевшим довольно отталкивающую внешность. В то время я лично общался с ним, а впоследствии узнал о нем от очевидцев неизвестные мне подробности.

Этот господин владел небольшим участком земли и выращивал в теплицах огурцы на продажу. И еще у него была красивая молодая жена. Он слыл, в отличие от веселых соседей, довольно мрачным человеком, чего нельзя сказать о его жене.

Однажды, проходя мимо его участка, я услышал заразительный женский смех и, остановившись, огляделся вокруг. Выяснилось, что один из моих друзей, молодой, красивый поручик, переговаривался с молодой женщиной, женой хозяина, стоявшей в теплице.

Очаровательная блондинка, покрасневшая, в ярко-желтом переднике, стояла на абсолютно черной земле. Смеющиеся глаза. Глубокий, волнующий голос. Красивая, яркая, как цветок орхидеи.

Они вели обычную беседу, но их глаза говорили больше слов. Больше и совсем о другом. Намного больше.

Оба откровенно наслаждались разговором. Она даже перестала складывать огурцы в корзину и, облокотившись на раму, подняла лицо к стоявшему у теплицы поручику. В глубоком вырезе платья обозначилась соблазнительная грудь. Без тени смущения женщина выставляла себя напоказ, свою необыкновенную белую, словно светящуюся кожу. Она, казалось, жаждала обожания и любви.

Я тихо отошел, не желая мешать разговору, и увидел в соседней теплице ее мужа. Он медленно шел по теплице, отрывая от огуречных плетей пожелтевшие листья. Он двигался по возможности тихо, стараясь не выдать своего присутствия, и удивительно напоминал паука, выслеживающего добычу. Несмотря на то что в теплице было очень жарко, мужчина был в теплом пальто и высоких резиновых сапогах. Длинный шерстяной шарф был несколько раз обмотан вокруг шеи. Его маленькие красные руки с короткими, толстыми

пальцами постоянно находились в движении. Он прошел по теплице и остановился у двери, сделав вид, что рассматривает растение. На самом деле он прислушивался к тому, что происходит в соседней теплице. Он слышал смех и счастливый голос своей жены, и я видел его беззвучно шевелившиеся губы и пальцы, нервно перебирающие листья.

В какой-то момент он увидел меня и сразу же обратился с каким-то ничтожным вопросом. Он был предельно вежлив и абсолютно неискренен.

Позже соседи мне рассказали историю этой супружеской пары, историю старую как мир. Он был богат, а ее родители бедствовали. Она молода и красива; он стар. Она хотела детей; он не мог их иметь. Он безумно ее ревновал, и ее жизнь превратилась в ад.

Мы немного поговорили с ним о погоде и его огурцах. Жена слышала голос мужа и, прервав беседу с поручиком, продолжила укладывать в корзину огурцы и запела грустную песню.

Сегодня дождливый день,
Дождливый день в степи,
Не хочется работать,
Не хочется любить,
Дождливый день в степи.

Мечтательный, богатый оттенками голос.

Спустя несколько дней во время обеда нам подали блюдо свежих огурцов. Прошло еще сколько-то дней, и на столе опять стояло блюдо с огурцами. Затем опять и опять. Честно говоря, мы уже не могли на них смотреть.

Будучи не в настроении, полковник ворчливо спросил вестового:

– Тебе не кажется, что за три недели нам могли надоесть огурцы?

Вестовой объяснил, что первый раз огурцы принес поручик К., второй раз – поручик Л., а последние два раза два других поручика. Офицеры переглянулись.

– Вы унаследовали огуречную ферму, господа? – ехидно поинтересовался полковник.

– Лично я получил огурцы в подарок, – застенчиво улыбаясь, признался поручик К.

Полковник перевел взгляд на поручика Л.

– В память о... – не поднимая глаз от тарелки с длинным огурцом, пояснил поручик Л.

Взрыв смеха потряс офицерскую столовую. Мы уже знали о происхождении этих «подарочных» огурцов. Поставка огурцов продолжалась. Каждые три-четыре дня один из офицеров приносил к обеду блюдо свежих огурцов.

В одно из воскресений вестовой вошел в столовую с огромным блюдом великолепных свежих огурцов и торжественным голосом объявил:

– В подарок господину полковнику!

Полковник откашлялся и довольно раздраженно объяснил:

– Прошел сегодня по базару. Увидел огурцы, и они мне понравились.

Мы изо всех сил сдерживались, чтобы не рассмеяться. В конце концов, полковник тоже был мужчиной.

Вот так начиналась эта история, а окончание ее относится к послереволюционному времени, когда владелец теплиц стал палачом Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией в Чугуеве. Посадив перед собой осужденного на смертную казнь, герой моего рассказа выкладывал на стол пистолет и объяснял, что сейчас выпустит пленному пулю в лоб. При этом пистолет не был заряжен.

Осужденный (эти фокусы палач, как правило, проделывал с офицерами) проходил через пытку ожиданием. Затвор щелкал, но ничего не происходило.

После этого бывший овощевод смеялся собственной шутке, а с осужденным расправлялись обычным порядком.

Рассказывали, что многие осужденные умерли от разрыва сердца. «Овощевод», говорят, сильно расстраивался, когда осужденные умирали во время его «представлений».

Психологи наверняка сочли бы его типичным извращенцем. Но мы знали его достаточно близко и как нельзя лучше понимали причину его поведения.

Глава 7

НОЧЬ ОТКРОВЕНИЙ

Ночью я крепко спал, когда ординарец разбудил меня и передал, что меня требуют в штаб полка.

– Что случилось? – еще не окончательно проснувшись, спросил я.

Он, словно опасаясь, что нас может кто-то услышать, хрипло прошептал:

– Император отрекся от престола, – и, помолчав, словно пытаясь привыкнуть к этой мысли, закончил: – Теперь войне конец.

Ординарец считал, что император развязал войну; император, имевший власть, заставлял людей страдать и умирать. А раз император отрекся, значит, войне конец.

Ошеломленный полученным известием, я быстро оделся и поспешил в штаб. Там уже собралось порядка пятнадцати офицеров. Все переговаривались тихими голосами, почти шепотом.

Полковник собрал нас в бывшей классной комнате. Мы расселись за партами, а полковник сел за стол преподавателя, располагавшийся на небольшом возвышении. Полковник всегда был скорее учителем, чем командиром и смотрелся на учительской кафедре очень уместно. Внимательный, любящий, он был для нас кем-то вроде отца. Для этого сорокапятилетнего холостяка семьей был полк, а мы его сыновьями.

Уланы любили своего полковника. Он был строг, но никогда не нарушал данного слова и никогда не лгал. И солдаты знали, что обманывать его бесполезно. Он всегда давал человеку возможность исправиться, если тот честно признался во всем, но был беспощаден в отношении тех, кто пытался обмануть его. Он обожал лошадей и очень тревожился за них и всегда подчеркивал, что улан в первую очередь должен заботиться о лошади, а уж потом, в оставшееся время, о себе. Может, я несколько преувеличиваю, но думаю, что полковник крах революции видел в том, что люди перестали заботиться о лошадях. Он был выходцем из старой дворянской семьи, но человеком во всех отношениях непритязательным.

Сейчас полковник сидел за учительским столом в классной комнате. Ставни были закрыты. Единственным источником света была лампа под шелковым розовым абажуром, стоявшая на столе. В комнате царил полумрак. Полковник изучал телеграмму, лежащую перед ним.

Комната постепенно заполнялась офицерами. В углу, прислонившись к стене, стоял капитан Бут. Рядом с ним молодой корнет Шмиль, прямой и напряженный. Капитан Султан, потомок татарских ханов, чья семья считалась польской в четвертом поколении, прохаживался взад-вперед. Вместе с ним мерил комнату шагами капитан Лан, невысокий, худой, крайне замкнутый офицер.

Одним из последних появился граф Г., презиравший весь мир и считавший риск своего рода спортом. Невероятный гордец и смельчак.

Следом за ним вошли поручик Рар, с мрачным, сосредоточенным лицом, и молодой Мукке, воображавший себя будущим Наполеоном. Последний прибыл хирург, доктор Край, в шинели, накинутой прямо на нижнее белье. У него был вид глубоко потрясенного человека. Он плохо слышал и не понимал, что произошло.

– Садитесь, господа, – сказал полковник, увидев, что все в сборе.

Офицеры расселись за маленькими, неудобными школьными партами, предназначенными для десятилетних детей. Все уже знали об «отречении» и понимали, что только такое экстраординарное событие могло заставить полковника поднять их среди ночи. В комнате повисла тишина.

Офицеры, словно ученики, застывшие в ожидании урока, тихо сидели на неудобных партах и не сводили с полковника глаз.

Полковник выдержал десятиминутную паузу.

Он очень нервничал. Никто из нас никогда еще не видел нашего командира в таком возбужденном состоянии. Полковник относился к той породе людей, которые быстро занимают наблюдательный пост, достают полевой бинокль и, подвергаясь опасности, изучают окопы врага, не обращая внимания на свистящие вокруг пули. В подобной ситуации он всегда сохранял полное спокойствие.

Наконец, оторвавшись от телеграммы, полковник поднял голову и оглядел класс. На него не отрываясь смотрели тридцать пар глаз. Вероятно, впервые в жизни он не мог прямо смотреть в глаза своим офицерам и не знал, что делать.

Левой рукой он прижимал саблю, словно эта была самая большая драгоценность, которую у него кто-то собирался отнять. В гробовой тишине было слышно, как рукав его мундира трется об эфес сабли.

Эта попытка тишиной не могла продолжаться до бесконечности. Полковник откашлялся и сказал:

– Внимание, господа!

Бессмысленно было взывать к вниманию людей, которые и так были само внимание. Его слова на какой-то миг разрушили тишину; офицеры, все как один, сменили позу, устраиваясь поудобнее, и наклонились вперед. Полковник взял телеграмму, лежавшую на столе, и мы увидели, как дрожит его рука. В комнате опять повисла тишина.

Наконец полковник овладел собой.

– Внимание, господа! – повторил он. – Я получил телеграмму из штаба в отношении его величества. Прошу всех встать!

Теперь мы слушали стоя, в полной тишине. Полковник зачитал телеграмму, в которой говорилось об отречении императора Николая II.

Это было печальное свидетельство сохранившего достоинство человека, который не мог выдержать возложенного на него бремени «Божьего избранника», попытавшегося спасти своего единственного сына от этого бремени.

Полковник медленно зачитал документ, словно стараясь, чтобы каждое слово запечатлелось у нас в мозгу. Закончив чтение, старый полковник поставил точку на своей карьере и жизни. Он понимал, что ему не остается ничего другого, как ждать конца. Неожиданно он обрел спокойствие. Осенив себя крестным знаменем, он мягко сказал:

– Садитесь, господа. Можете курить.

Мы сели и закурили. И тут в звенящей от напряжения тишине раздался отчетливый голос.

– Трус!

Все узнали этот голос и, в изумлении, посмотрели на графа Г. Он, как всегда, в гордом одиночестве стоял у стены. Граф мог все, что угодно, простить монарху, кроме желания перестать быть монархом. Вся его жизнь, все мысли были подчинены сохранению традиций, аристократии, монархии.

Граф Г. был живым примером человека, отмеченного «Божьей милостью». Граф досконально изучил свою родословную. В его роду были епископы, сенаторы и даже знаменитые писатели. Он презирал тех, кто мог отступить и отказаться от своего предназначения.

Царь, который отрекся от престола, перестал для него существовать, и он высказал свое мнение. Трус!

Глядя на графа, я подумал: «Чертовски хороший актер» – и представил, как он был бы недоволен, если бы кто-то высказал эту мысль вслух. Мне с большим трудом удалось

сохранять спокойствие и невозмутимость. Дело в том, что я испытывал особое чувство к графу Г.

Я имел отношение к театру и не скрывал этого. По мнению графа, людей, в той или иной мере связанных с театром, следовало хоронить за кладбищенскими стенами. Первые три месяца он просто не замечал меня. Однако после того как он понял, что я ничем не отличаюсь от остальных и так же прищипываю коня, как представители древних родов, он начал со мной здороваться. Правда, дальше этого наше общение не пошло. Только «Доброе утро!», «Добрый день!», «Добрый вечер!».

Теперь, нарушив тишину, граф Г. ждал от нас ответной реакции. Все молчали.

– Господин полковник, господа офицеры, – не дождавшись ответа, проговорил он, щелкнул шпорами и откланялся.

Назавтра он таинственным образом исчез. Никто не знает, как ему удалось это сделать, но он умудрился пройти по территории России, находившейся в руках мятежников, и очутиться в Варшаве. Его особняк был занят немцами. Как говорится, одним движением он выкинул войну из своей жизни. По его мнению, война велась не по правилам.

После ухода графа Г. офицеры один за другим вставали с места и подходили к полковнику, задавая вопросы или внося предложения. Все старались говорить как можно тише, словно не были уверены, что их вопросы подлежат публичному обсуждению. Полковник вежливо, но достаточно односложно отвечал офицерам.

– Да.

– Нет.

– Несомненно.

– Нет смысла.

Капитан Султан спокойно сидел на месте. На его благородном лице играла легкая улыбка. В нем текла кровь татарских ханов, и казалось, погрузившись в века, он сейчас искал и не находил среди них тех, кто когда-либо отрекся от престола. О храбрости Султана ходили легенды, при этом он был добрым и отзывчивым человеком.

Его жена-француженка повсюду следовала за ним. Она была единственной женщиной, находившейся вместе с нами на линии огня. Султан никогда не брал отпуск, зачем – его жена всегда была при нем.

Примерно через год после той ночи его эскадрон попал в окружение. Израсходовав все патроны, под ураганным огнем он с безрассудной смелостью прорвался через оцепление красноармейцев. Его ординарец и еще один солдат следовали за ним. Через сотню метров ординарец был ранен и упал с лошади. Султан повернул коня, подобрал ординарца, посадил его перед собой и поскакал дальше. Но пули все-таки достали Султана. На следующее утро раненый ординарец принес тело капитана Султана в лагерь белых.

Этой ночью Султан, являясь сторонником абсолютной монархии, тем не менее сохранял улыбку. Он молчал до тех пор, пока один из офицеров не заметил, что отречение царя освобождает офицеров от присяги.

– Я присягал императору, не зная, будет он хорошим или плохим. Я присягнул императору... и не откажусь от присяги, – встав с места, спокойно проговорил Султан.

Тут началось сущее вавилонское столпотворение.

Свалившаяся на них проблема была выше понимания офицеров. Они не были глупыми людьми – знали и были в состоянии обсудить и объяснить многие вещи, но их никогда не интересовало происходящее в мире. Армия всегда стояла вне политики.

Они умели переносить невзгоды, молча терпеть и не понаслышке знали, что такое смерть. Они были отличными солдатами. Но сейчас офицеры столкнулись с неразрешимой задачей.

Одни офицеры считали, что император не имел права отречься от престола. Он, как и они, тоже давал присягу на верность, и они не собираются верить никаким сообщениям до тех пор, пока не получат приказ от самого императора. Телеграмма об отречении была подписана Временным правительством.

Очевидно, эти офицеры были прирожденными белыми. Для них это был вопрос принципа. Они дали присягу и не могли ее нарушить. Эта группа офицеров собралась вокруг капитана Султана.

Центром другой группы стал капитан Бут.

– Все это напоминает мятеж. Но если солдат поднимает мятеж, в этом нет его вины, – громким, срывающимся голосом заявил Бут.

– В таком случае чья же это вина? – с мягкой улыбкой спросил Султан.

– Тех, кто над ним. В течение последних двадцати лет я управлял крестьянами, и одному Богу известно, сколько лет этим занимались мои предки. В нашем поместье никто никогда не поднимал мятежей.

Капитану Буту было чуть больше сорока. Он являлся владельцем большого поместья и отправился на войну с тремя ординарцами, шестью лошадьми, сворой гончих, собственным поваром и добрым запасом вина. Он не имел ни малейшего понятия о воинской службе, дисциплине и субординации. Легкий, веселый человек, всегда готовый прийти на помощь. В критический момент он запросто мог хлопнуть полковника по спине и предложить отправиться на охоту. В детстве кто-то рассказал ему, что некоторые его предки были хорошими солдатами, и он считал, что это в равной степени относится и к нему. Он действительно всегда скакал впереди эскадрона и никогда не отступал. Бут был одним из немногих, кто всегда заступался за пострадавших. Любой солдат мог обратиться к нему за помощью.

Теперь вокруг капитана собрались те, кто считал, что должно найтись какое-то решение. Если уж на то пошло, заявили они, известны примеры надежных государств с республиканской формой правления. Они уже тогда понимали, что невозможен компромисс между абсолютной монархией и республикой.

Эта группа пыталась рассмотреть проблему с точки зрения закона. Они решали, каким образом преподнести эту новость солдатам, как вести себя в сложившейся ситуации, стоит ли им оставаться на военной службе.

Большинство офицеров согласилось с Султаном, небольшая часть приняла сторону Бута, а один офицер остался в полном одиночестве.

Этим человеком был капитан Лан. Невысокий, худенький, с маленькими глазками на узком лице с тонкой полоской усов, длинным носом и маленьким ртом. Впрочем, с руками, словно сделанными из стали. Он был одним из лучших наездников в армии и выиграл немало призов. Должен признаться, что я не встречал более мерзкого человека. Грубый, безжалостный, жестокий. Для него не существовало никого и ничего, что бы он любил или перед чем преклонялся. Подозрительный, вечно ожидающий подвоха, злобный маленький человечек.

Лошади его боялись, и он никогда не заходил в стойло, чтобы выпустить лошадь. Это за него делал ординарец. Лошадь подчинялась ему только тогда, когда он вскакивал в седло. Возможно, Лан чувствовал, что, если окажется с лошадью в стойле, ему не придется ждать пощады. Я так и не понял, вызывал ли кто-нибудь у него симпатию. У него не было друзей.

Лан неожиданно заговорил об офицерских обязанностях, но в его резком голосе не было и тени воодушевления. Он не относил себя ни к одной из вновь созданных группировок. Он, как обычно, наблюдал за происходящим со стороны и руководствовался не эмоциями, а параграфом устава.

Оставшаяся часть офицеров (я был в их числе) пыталась собраться с мыслями... Увы, все было тщетно. Мы говорили общие слова, но никто не мог предложить ничего дельного.

Мы вновь и вновь перебирали события этой ночи. Чтение телеграммы из штаба. Первая пауза. Разговоры шепотом. Обсуждение, как быть и что делать.

Только один из нас, похоже, знал, что делать. И он, наконец, заговорил.

Для нас революция началась с выступления капитана Баса.

Высокий, немного сутулый, капитан Бас имел сильный командный голос. Стоило ему начать говорить, как мы словно очнулись. Все головы повернулись в его сторону.

— Господа, вы понимаете, что случилось... Дело не во Временном правительстве... Не в царе... Не в Думе...

Его взволнованный голос заставил забыть о спорах. Второй раз за эту ночь наступила полная тишина. В этой напряженной тишине звучал взволнованный голос. В течение десяти минут капитан Бас удерживал напряженное внимание аудитории.

У капитана был здоровый цвет лица. Белокурые волосы. Синевато-стальной цвет глаз, как у Джорджа Вашингтона. Он не вынимал изо рта сигарету и был довольно молчалив. Бас, наверно, впервые заговорил, не дожидаясь приглашения. Это свидетельствовало о том, что в нем произошли какие-то серьезные изменения.

Он стоял спиной к единственной лампе под нелепым розовым абажуром, и мы не могли разглядеть его лицо. Был виден только темный силуэт с ореолом вокруг головы. Он сопровождал речь короткими, рублеными жестами.

— Господа, это означает освобождение ста пятидесяти миллионов человек. Это означает новые порядки и новые свободы. Это означает, что каждый человек сможет теперь доказать, на что он способен.

Никто не понимал, о чем он говорит. Никто, казалось, не удивлялся его словам, и только позже мы осознали, какое ошеломляющее впечатление на нас произвела его речь.

От атмосферы неуверенности, возникшей после чтения телеграммы, не осталось и следа, словно после успокаивающей мелодии медленного вальса мы услышали сумасшедшие джазовые ритмы. Капитан Бас первым заставил меня услышать ритм революции.

Онемев от удивления, мы внимали неведомым прежде словам: «буржуи», «рабы капитализма», «предатели народа». В словах капитана не было ненависти. Он никого не обвинял. Он не видел врага в императоре, отрекшемся от престола. Он говорил исключительно о будущем. Никто из нас не мог даже предположить, как этот человек догадался, что телеграмма была подлинной, что с монархией покончено раз и навсегда.

Ходили слухи, что капитан Бас был незаконнорожденным сыном известного члена Думы. Капитан был, несомненно, незаурядным человеком. Любил в одиночестве прогуливаться, скакать на коне, читать. Он, возможно, чувствовал, что, выказывая ему показное уважение, кто-то за спиной шепотом произносит слово «незаконнорожденный». Но он знал, как заставить себя уважать. Всегда четко формулирующий мысль, Бас не давал возможности собеседникам вовлечь его в спор. Позже мы узнали, что у него были глубокие знания в области социологии и теории революции. В последующие дни людей захлестнут эмоции. Ораторы на митингах будут кричать и выплевывать оскорбления, доводя себя и толпу до иступления, и толпа будет требовать крови и мщения. В этой атмосфере смятения и беспорядка капитан Бас будет спокойно подниматься на трибуну и тихим, «профессорским» голосом объяснять буйной, возбужденной, опьяненной ощущением свободы толпе значение происходящего.

Второй раз за эту ночь в комнате наступила тишина, нарушаемая только уверенным голосом, говорящим неслыханные вещи.

Выступление Баса длилось около десяти минут, а затем раздались недовольные крики. Постепенно пришло понимание, что предложения Баса не годятся для офицеров. Они подошли бы для студентов, рабочих, для всех этих сумасшедших революционеров, но только не для офицеров царской армии.

Обстановка накалялась. Капитан Бас, обладая сильным голосом, какое-то время еще мог перекрикивать около двадцати орущих офицеров, но вскоре и он сдался.

Теперь кто-то замыслил вовлечь капитана в спор. Некоторые убеждали полковника, что он должен вмешаться и прекратить обсуждение. Полковник попытался докричаться до Баса, но у него ничего не вышло.

В четыре утра было уже ясно, какая сторона в этом споре выйдет победителем. С одной стороны звучали резкие, как выстрелы, аргументы. С другой слышался тихий ропот, словно ветер пробегал по кронам деревьев.

Капитан Бас, почувствовав, что все ополчились против него, перестал говорить общие фразы о правах человека и обратился к персоналиям. Пристально глядя в глаза, он принялся объяснять каждому из нас, кем мы являемся по сути. Он безжалостно расправлялся с нами. Ты, заявил капитан Буту, дурак и бездельник. Твое место, Шмиль, на конюшне; единственное, на что ты способен, – быть помощником конюха. А доктор ничего не смыслит в медицине, категорически заявил Бас.

Капитан был не похож на себя. Он, словно дикая кошка, отбивался от окружившей его стаи волков. Теперь он понял, что не было смысла говорить этим людям о высоких, гуманных аспектах революции.

Атмосфера накалилась до предела. Офицеры плотно обступили капитана. Хорошо, что они пришли без оружия, иначе Бас был бы тут же расстрелян. Молодые офицеры, протиснувшись к капитану, в ответ на его оскорбления стали выкрикивать:

– Предатель!

– Под трибунал его!

– Повесить!

Тяжелые удары в дверь со стороны улицы оборвали крики. Неожиданно запертая дверь с треском распахнулась, и в дверном проеме возникла чья-то фигура. В первый момент мы не поняли, кто стоит в дверях. В наступившей тишине все головы повернулись к двери, и оттуда спокойно донеслось:

– Доброе утро, граждане!

Третий раз за эту сумасшедшую ночь наступила гробовая тишина. На пороге комнаты стоял солдат из 114-го русского пехотного полка. Он считался ничемным солдатом. Вечно грязный, бестолковый, на него никогда не обращали особого внимания.

Теперь солдат по-хозяйски стоял в дверях в нарушение всех правил и инструкций. Фуражка, сдвинутая на одно ухо; расстегнутый воротник гимнастерки; шинель, переброшенная через плечо. На поясе два браунинга. На нем почему-то были длинные брюки, право на ношение которых имели только офицеры.

Это был червь, ничтожество! Паршивая гнида!

Потрясенные, мы следили, как он прошел через комнату к полковнику. Его речь звучала так, словно он в течение долгого времени заучивал свою роль, но, являясь плохим актером, был вынужден делать невероятные усилия, чтобы завладеть аудиторией. Он безуспешно пытался говорить с аристократической небрежностью.

– Гражданин полковник, я представитель местного комитета солдат и рабочих. Я принимаю на себя функции представителя солдат в нашем гарнизоне.

Рука его сжимала телеграмму, подписанную левыми социалистами. Телеграмма, полученная полковником, была подписана Временным правительством. Пока Временное правительство пыталось пойти законным путем, левые социалисты действовали собственными методами. Они срочно отдали приказ своим представителям об организации солдатских, рабочих и крестьянских комитетов.

Вот так рядовой Шук поставил себя рядом с полковником во главе знаменитого полка. Он не случайно был в офицерских брюках: судя по всему, он предполагал всерьез взяться за дело. Полковник никак не отреагировал на слова рядового, но тут взвился Шмиль:

– Сукин сын! Тридцать суток на хлебе и воде!

– Господин корнет, – вмешался полковник, – вы находитесь в присутствии высших чинов.

Шмиль, молча козырнув, судорожно оглядывался в поисках какого-нибудь орудия, чтобы бить, громить, убивать, в то время как Шук, держа в каждой руке по пистолету, с глумливой улыбкой следил за его судорожными движениями. Затем, повернувшись спиной к Шмилю, он сказал полковнику:

– Думаю, будет лучше уволить граждан офицеров. Они слишком нервничают из-за того, что пришел конец их власти. Нам с вами, гражданин полковник, надо многое обсудить. Комиссар назначил проведение политического митинга гарнизона на одиннадцать утра. Я хочу подготовиться к митингу и готов выслушать ваши мысли по этому поводу. С этого момента мы будем действовать в полном согласии.

Мы выглядели столь же нелепо, как человек, который пытается сохранить достоинство, в то время как у него из-под ног вытягивают ковер.

Не знаю, чем бы все это могло закончиться, но тут вмешался капитан Бас.

– Мы провели тут всю ночь и сильно устали, – спокойно заговорил он, обращаясь к Шуку. – Раз митинг назначен на одиннадцать, я предлагаю сейчас прерваться. Мы все серьезно обдумаем и через два часа встретимся.

Затем он молча повернулся и, сохраняя невозмутимость, вышел из комнаты. Шук, как маленькая собачка, услышавшая голос хозяина, торопливо засеменил следом. Едва они исчезли из вида, как в углу комнаты раздался громкий истерический хохот.

Смеялся капитан Лан. Красный, с широко раскрытым ртом, он хлопал себя по бедрам руками, заходясь в истеричном смехе. Я боялся, что его разорвет от хохота, но он все-таки смог взять себя в руки и заговорил:

– Господа офицеры! Его высочество рядовой Шук решил вопрос с вашей присягой. Вы не знали, как быть, а он в момент все решил. Он решил... – Словно пьяный, с трудом удерживаясь на ногах, Лан судорожно вцепился в выломанный дверной косяк. – Спокойной ночи, граждане! Спокойной ночи, граждане! – продолжал выкрикивать он, слабо улыбаясь и раскланиваясь во все стороны. – Встретимся утром на митинге, граждане. Всего доброго, граждане.

Продолжая бормотать, Лан удалился из комнаты.

Оставшиеся офицеры медленно вышли в холодное, серое утро и молча разошлись по квартирам.

Не снимая шинели и сапог, я упал на кровать и забылся тяжелым сном. До митинга оставалось около четырех часов, и я понимал, что мне следует отдохнуть. Я не чувствовал ни малейшего возбуждения.

Когда я решил отправиться на войну, я ощущал жизненную необходимость подобного шага и испытывал жгучую радость от возможности принять участие в новом для себя деле. Теперь, как я понял, происходит действительно нечто грандиозное. Но я стал старше на три года, сдержаннее и равнодушнее. Я чувствовал апатию. Надвигались события, неминуемые как смерть. Я понимал, что не в силах ничего изменить, и не собирался принимать ничью сторону. С этими мыслями я и заснул.

Я проснулся оттого, что кто-то осторожно тянул меня за ногу. Открыв глаза, я увидел своего ординарца, сидящего на маленькой скамеечке у кровати и пытавшегося начистить мои и без того сверкающие сапоги.

– Хватит, Вацек. Теперь у меня не будет ординарцев, и я не вижу причины, почему бы мне самому не чистить обувь.

– Ну, не знаю. Думаю, что хорошо начищенный сапог выглядит намного лучше. Поверьте, нет никого, кто бы лучше меня чистил обувь.

– Все верно, но теперь тебя, вероятно, попросят командовать полком.

Вацек пришел в восторг от моих слов.

– О, господин поручик, тогда я отдам единственный приказ. Кругом, домой, и не останавливаться в пути, – смеясь, ответил он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.